

Елена ПЕТРОВСКАЯ

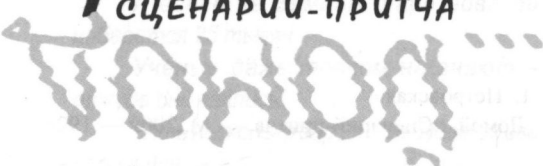

ДОМОЙ...

Елена ПЕТРОВСКАЯ

ДОМОЙ...

СЦЕНАРИЙ-ПРИТЧА

Москва
2009

Обложка Киры Эмеретли
Дизайн Сергея Сафонова

Е. Петровская
Домой....:Сценарий-притча. — М.,2009 — 192с

Героями нашей истории являются представители маленькой горстки уникального народа, называющие себя — горские евреи. Возможно, это самая немногочисленная народность в мире. В России их проживает около 11,5 тысяч человек. А всего на земном шаре едва ли наберется 25 тысяч. Ученые даже толком не знают — откуда они взялись! Есть несколько версий. Не будем их все перечислять, но...

Этот сценарий-притча основан на реальных событиях, происходивших на территории нашей страны, а также – Персии, Америки, Израиля, Австралии, Германии, Италии, Франции, Швейцарии и прочих и прочих больших и малых государств на планете Земля на протяжении полутора тысяч лет.

Героями нашей истории являются представители маленькой горстки уникального народа, называющие себя – горские евреи.

Возможно, это самая немногочисленная народность в мире.

В России их проживает около 11,5 тысяч человек.

А всего на Земном шаре едва ли наберется 25 тысяч.

Ученые даже толком не знают – откуда они взялись!

Есть несколько версий. Не будем их все перечислять, но...

Как бы там ни было, «...однажды на широкой равнине между Сулаком и Тереком появилась группа иудеев, соблюдавших субботу и обрезание. Они мирно соседствовали с хазарами и ходили вместе с ними в походы...» Так пишет известный исследователь Лев Гумилев в статье «Сказание о хазарской дани».

Кто они больше – горцы или евреи?

Горячие, непредсказуемые, импульсивные?

Или – тонкие, спокойные, мудрые?

А, может, это – гремучая смесь, в которой с переменным успехом главенствует то одно, то другое?

Как знать...

Жили горские евреи на землях от Кубы и до самой Кубани.

А еще они прославились тем, что «...их праотцы, затеяв долгий труд, подарком миру вынесли Талмуд»!

Речь идет, разумеется, о Вавилонском Талмуде.

Автор этих строк – Ефрем Амирамов – поэт и человек нежнейшей души – рассказал своей сестре Галине Мелеховой несколько жизненных историй, связанных с их родом.

Она задокументировала его рассказ, и возникла – кардиограмма большого сердца маленького народа, которая порой сбивчиво, но очень внятно отстукивала ритм жизни, любви, нежности, веры...

По нервным зубцам амплитуды этой кардиограммы было сразу видно, что сердцу больно...

Ефрем носил эту боль с собой и делился ею со своими друзьями, а часто – просто с теми, кому его внутреннее чутье маяковало – **СВОЙ!**

Однажды я встретила с ними ...
С Ефремом и его болью...

Автор идеи снять фильм о своем
народе – Ефрем Амирамов.

В сценарии использованы материалы
книги Галины Мелеховой «Джу"ур», хроники
горских евреев и народные пословицы из
«тайников души джу"ури», собранные поэтом
и фольклористом Амаданом Кукуллу.

Консультант – Рахамим Мигиров.

Особую благодарность автор выражает
Габриэлю Шамаеву, принявшему посильное
участие в создании этой книги.

Надеюсь, мой читатель, ты не
останешься равнодушным к истории этого
малочисленного, но – большого душой и
сердцем удивительного народа...

468 год. Новоперсидская империя.

Персидский царь Пероз I-й вернулся из удачного похода.

Счастливые матери и жены встречали своих воинов. Уставших, израненных, но — живых! И это — главное.

Войско двигалось по широкой дороге, сопровождаемое ликующими возгласами горожан.

Следом за конницей тянулись повозки с добром, отобранным у неприятеля.

Добра было много, и, узрев повозки, толпа забурлила и зашумела еще радостнее.

Царь Пероз воевал много, но далеко не всегда возвращался с победой... На сей раз судьба была благосклонна к нему.

...Но не все лица встречавших озаряли радостные улыбки.

Двое мужчин, чьи головы были прикрыты накидками, тихонько переговаривались между собой.

— ...Он запрещает нам соблюдать субботу и закрыл синагогу! — Шепнул один мужчина другому.

— Может, после удачного похода душа его поделится... — Миротвориво ответил тот.

— А... Сколько на камне горох ни сажай, он не вырастет! ...Он обязывает евреев обращаться к персидским судьям за справедливым решением. Но персы не чтят наших законов и судят нас по своим! Еще немного... еще — одно поколение — и еврейский народ забудет свои обычаи и сольется с персами! Думаешь, — зачем он забирает наших детей и отдает их на воспитание жрецам?!

— ...чтобы они потом служили ему?

— Нет! Чтобы они служили **нам**! Но — по чужим законам! Сколько лет твоей старшей дочери?

Мужчина улыбнулся:

— Почти двенадцать! Осенью будем праздновать бат-мицву!

— Не будем! Царь не допустит, чтобы такая красавица жила по законам Торы! Он сделает из нее Верховную Жрицу! И она будет учить **наш** народ **персидским обычаям**! Ты о таком будущем мечтал для своей дочери?!

— Нет! Нет! Что ты?! — мужчина испуганно отшатнулся.

— Надо бежать, Самуил! И — как можно быстрее!

— Но — как, Иаков?

Иаков наклонился к Самуилу и что-то горячо зашептал ему на ухо.

Самуил внимательно слушал, бросая по сторонам настороженные взгляды. Вдруг лицо его озарила счастливая улыбка.

— ...И они откроют нам ворота?

— Только на десять минут... Я договорился с начальником стражи! — Иаков хитро сощурил глаза и забренчал монетами в кармане. — Деньги — не Бог, не царь, а милуют всех... Поспеши, брат! Бери только самое необходимое. Дорога дальняя предстоит.

Самуил с благодарностью стиснул руку Иакова:

— Спасибо, брат! Да исполнится задуманное Богом!

— Да будет так!

Мужчины сжали друг друга в крепких объятиях.

Толпа вокруг радостно ликовала.

И лица Иакова и Самуила теперь ничем не отличались от озаренных счастьем лиц окружающих.

Жена и дети Самуила торопливо собирали вещи в дорогу.

— Поторапливайтесь! Июльские ночи короткие. До рассвета нам нужно добраться до Горго¹! Там мы укроемся в эфталитских пещерах и побудем некоторое время... Когда поиски утихнут — двинемся дальше...

— Отец! Можно я возьму ее с собой? — К Самуилу с тряпичной куклой в руках подбежала Эстер, старшая и любимая дочка. — Это подарок дяди Давида...

Давид был родным братом Самуила.

Он слагал песни о своем народе.

Однажды что-то в его строках показалось царю оскорбительным...

Даже не самому царю, а его лживым и завистливым приспешникам... И царь бросил Давида в тюрьму. Десятый год брат находился в подземельях царя Пероза. Эту куклу он сшил своими руками и передал любимой племяннице несколько лет назад.

Самуил вздохнул:

— Возьми, дочка...

Жена укоризненно взглянула на Самуила:

¹ Горго — город на окраине Персии

— Ты велел брать только самое необходимое...

— Пока доберемся... наступит время батмицвы... Пусть хоть в дороге побудет ребенком... И потом... это ведь память о моем брате.

— Твой брат — поэт. А поэты оставляют после себя песни...

Эстер подпрыгнула на одной ножке:

— А я помню песню, которую мне пел дядя, когда я была совсем маленькой: «Счастье, счастье ты мое, Богом данное мое...» — звонким голосом запела девочка.

— Тише! — громким шепотом пресекла ее мать. — Не дай Бог, соседи услышат!

— Отец, мы готовы! — в комнату вошли два старших сына Самуила.

На юношах были военные доспехи.

Глаза горели отвагой и жаждой приключений.

Самуил окинул сыновей одобрительным взглядом и повернулся к жене:

— Полюбуйся, Сара! Каких воинов мы с тобой воспитали!

Сара недовольно покачала головой:

— В нашем роду мужчины всегда выбирали мирные профессии.

— А мы и не собираемся ни на кого напа-

дать! Но защитить свой дом всегда сумеем! — один из юношей обнял мать и нежно прижался к ней.

— Какой ты красивый, брат! — Эстер затеребила второго юношу.

— ...Значит так! — Самуил окинул взглядом свое маленькое войско. — Сейчасждемся Иакова с семьей и пойдем к восточным воротам... Там...

Неожиданно раздался громкий стук в дверь.

Самуил побледнел:

— Это — не Иаков...

Стук повторился. Раздался громкий голос:

— Именем царя Пероза, откройте!

Самуил обреченно посмотрел на жену и детей:

— Прячьтесь!

Сара с сыновьями едва успели скрыться в другой комнате, как хрупкая дверь сорвалась с петель, и в помещение ворвались четверо стражников.

— Это ты Самуил из рода изгнанников Иудейских?

Самуил молча кивнул.

— А это — твоя дочь? — Старший стражник

копьем указал на Эстер, прижавшуюся к отцу.

На глазах Самуила выступили слезы, и он еще крепче обнял девочку.

Эстер бесстрашно смотрела на стражников.

— ...Ей оказана высокая честь: с сегодняшней ночи она поступает в обучение к могущественным и мудрейшим жрецам династии Сасанидов! Царь Пероз I-й приказал доставить ее во дворец.

В соседней комнате братья Эстер рванулись к двери, но мать раскинув руки, как большая белая птица, преградила им путь, прошептав одними губами:

— Они убьют нас всех...

Стражники выжидали.

Самуил обцеловывал Эстер, горестно приговаривая:

— Девочка моя... любимая... Доченька моя...

Эстер нежно гладила отца по голове.

— Не плачь, папа... — прижавшись к отцу, быстро шепнула на ухо, — ждите меня до утра. Я знаю, **что** сказать царю...

Самуил вскинул на дочь удивленные заплаканные глаза.

Эстер смело шагнула вперед:

— Я готова!

Стражники одобрительно переглянулись.

Один из них хмыкнул:

— Ты — смелая. Быть тебе — Верховной Жрицей!

Эстер окинула его презрительным взглядом:

— Я никогда не стану **вашей** жрицей!

Мужчины замерли. На их глазах произошло удивительное превращение маленькой девочки в зрелую мудрую женщину. Несколько мгновений опасности пробудили в Эстер дремавшие силы и глубоко спрятанное мужество. Очевидно, как и всем еврейским женщинам, ей было суждено стать — просто женой, просто матерью, но — вдруг возникшая ответственность за семью сделала маленькую девочку с тряпичной куклой в руке — героиней.

Эстер сделала шаг к двери:

— Вытри слезы, отец! — Бросила взгляд на стражников. — Ведите меня к царю!

Стражники в полном молчании послушно вышли за девочкой.

Самуил, оставшись один, сел на пол, обхватил голову руками и безутешно зарыдал.

В комнату вошли и молча стали возле него Сара и сыновья.

Царь Пероз I возлежал на своем ложе, окруженный десятками наложниц, услаждающих его слух пением, а очи — танцами.

Царь был доволен. Его войско впервые за много лет вернулось с победой и богатой добычей.

Народ Персии славил своего царя, а возможно, даже — любил его... Сегодня... Сейчас... В эти победные дни.

Надолго ли хватит этой любви?

Пероз окинул взглядом груды добра, отобранного у неприятеля, и грустно улыбнулся: любовь народа к своему правителю находилась в прямой зависимости от величины этой груды. Жаль... При всей своей жестокости и надменности царю Перозу I-му очень хотелось остаться в истории мудрым и достойным правителем.

Неожиданно Пероз скривился от боли и вздрогнул: одна из наложниц, массирувшая ему ноги, случайно задела свежую рану, полученную в недавнем бою.

Стражник, стоящий в почтительном отдалении от царского ложа, с готовностью подскочил и поднял кнут.

Жестом руки царь молча остановил его.

Сегодня Пероз I был добр и великодушен. Он едва заметно кивнул наложнице: «Продолжай!»

Стражник, пятясь, отошел на свое место.

Наложница, благодарно поглядывая на царя, нанесла на его ноги благоухающее масло и продолжила массаж с утроенной нежностью и вниманием.

Пероз довольно улыбнулся и откинулся на подушки.

Стражники вели Эстер по каменным плитам царского дворца в покои Пероза I-го. Хотя, сказать — «вели» было бы не совсем правильно. Они скорее — сопровождали девочку, грозно бряцая оружием чуть поодаль. Кто его знает?! А вдруг девчонка и впрямь сделается Верховной Жрицей и припомнит, как непочтительно обошлись с ней когда-то... Стражники были суровы, но предусмотрительны. В их государстве довольно часто случалось такое — «вдруг»...

Эстер впервые попала в царский дворец и зачарованно оглядывалась по сторонам, восхищенно озирая величие каменных палат.

Стражники ввели девочку в царские покои и слегка подтолкнули к ложу царя.

Эстер, замерев, во все глаза глядела на Пероза.

Она впервые видела царя так близко.

Один из стражников протянул копье и, больно надавив им на шею Эстер, слегка пригнул ее голову.

— Почему ты не склоняешь голову перед своим царем? — Удивленно спросил Пероз.

— Она слишком горда и своенравна, мой повелитель! — Подал голос один из стражников.

— Неужели? ...Дочери народа изгнанников не пристало быть слишком гордой.

Эстер вспыхнула:

— Мой народ не **изгнан**! Он — **избран**!

— И кто же его избрал? — расхохотался Пероз.

Все подданные, находящиеся во дворце, радостным смехом поддержали своего царя.

Сегодня он был весел, а значит — добр.

Персы веселились от души. Со всех сторон в направлении Эстер летели насмешливые возгласы:

— Полюбуйтесь на нее! Она — дочь «избранного» народа!

Эстер смотрела на хохочущие злобные лица и ей хотелось заплакать и убежать.

Спрятаться под теплую руку отца или зарыться в мамин подол. Но — девочка понимала, что сегодня ее детство закончилось. И хотя ей еще не исполнилось двенадцати лет, и не было обряда бат-мицвы, после которого ей самой пришлось бы отвечать за свои поступки, но сейчас жизнь поставила Эстер в ситуацию, когда надо было стать мужественной и самостоятельной.

Дождавшись паузы в лавине смеха, Эстер звонко произнесла:

— Бог избрал мой народ!

В царских покоях повисла гнетущая тишина.

Улыбка сползла с лица Пероза. Царь жестко взглянул на Эстер:

— Бог Огня не избирал твой народ! Или... — Пероз, криво ухмыльнувшись, взглянул на Верховного Жреца, сидящего рядом с ним. Верховный Жрец слегка склонил голову. — ...быть может, зададим вопрос самому богу, а?

Верховный Жрец встал и простер руки к небу: «О, великий и могущественный Ормузд!»

Персы вскочили со своих мест и закричали, устремляя в небо свои горящие взоры и потрясая оружием: «Ормузд! Ормузд!»

Неожиданно... в четырех углах огромного зала вспыхнули ярко-оранжевые языки пламени.

Персы упали на колени и закрыли лица руками.

Склонил голову и царь.

Лишь Эстер стояла, запрокинув лицо, стараясь, чтобы ни одна слезинка не выкатилась из ее глаз.

Отблески пламени полыхали на лице девочки.

— Ответь нам, о великий Ормузд! — Вывал Верховный Жрец к небу. — Была ли на то твоя божья воля — провозгласить народ Иудеи **избранным**?

В зале раздались резкие оглушающие звуки барабанов.

Огни полыхали все ярче.

Удары барабанов становились громче и чаще.

Персы еще больше приникли к каменным плитам.

— Прошу тебя, Ормузд!!! Ответь!!! — Верховный Жрец выкрикнул в небо свою просьбу и тоже упал на колени.

Эстер стояла одна в огромном зале. Ноги ее подкашивались от страха. Но девочка так и не смогла опуститься на колени перед чужим богом.

Вдруг огни взвились еще выше и ярче. Сделались — ослепляюще огромными... И — резко погасли.

Так же внезапно умолкли барабаны.

После яркого света в зале стало неожиданно темно.

В голове Эстер мелькнула дерзкая мысль: убежать!

Вот сейчас! Пока все приникли к полу и в страхе не в силах разомкнуть глаз. Ее ноги быстры и крепки. Когда персы придут в себя, она будет уже далеко...

Но, нет! Девочка остановила поток своих глупых мыслей.

Уж, коль она попала к царю, то — совершит задуманное!

Верховный Жрец тяжело поднялся с колен.

Под гулками сводами дворца звук его голоса показался звуком военной трубы, которой персы призывали свое войско к началу сражения:

— Бог света и огня Ормузд ответил мне!...

Персы замерли в ожидании.

— Никогда! — Жрец повернулся к царю.
— Слышите! Никогда! Ни Ормузд, ни другие боги не провозглашали еврейский народ избранным!

— Ну? — Пероз нервно дернул головой. Нельзя сказать, что он испугался...но, впрочем, и привыкнуть к тому, как вольно обра-

щается Верховный Жрец с богом огня, царь никак не мог. — Что ты скажешь на это?

Эстер глубоко вздохнула и, выдохнув, произнесла:

— Мой народ поклоняется **истинному** Богу.

— Что-ooo?!!! — Вскочил на ноги рассвирепевший Пероз. — Высечь дерзкую девчонку! Засечь до смерти! Стража!...

Стражники с двух сторон подскочили к Эстер и грубо схватили ее за плечи.

— погоди, царь... — Верховный Жрец наклонился к самому уху правителя и тихо зашептал. — Если ты хочешь отдать девчонку на воспитание мне... то не следует подвергать будущую жрицу унижениям... Ну, а если ты хочешь взять ее себе в наложницы... то сбить с нее спесь и немного проучить... Впрочем, решать тебе, мой повелитель.

Пероз окинул Эстер внимательным взглядом. Поднял руку, остановив жестом стражников, готовых уволочь девочку.

Нет... Как наложница она ему вовсе не нравилась! Слишком худа и своенравна. Царь любил укрощать диких кобылиц, но женщина...

Пероз привлек к своей груди наложницу и жадно вдохнул пряный аромат ее черных волос... Женщина должна быть покорной.

Царь кивнул Верховному Жрецу:

— Забирай!

Верховный Жрец довольно ухмыльнулся и сделал шаг к Эстер.

И вдруг девочка, с таким мужеством вынесшая все предыдущие испытания, не дрогнувшая перед угрозой смерти, рухнула на колени, шепнув тихонько самой себе «Боженька, помоги» и лишь потом, громко — Перозу:

— погоди, царь! Выслушай меня!

Пероз удивленно поднял брови:

— О! Да, ты умеешь быть учливой?! ...Я сохранил тебе жизнь! Чего же ты еще хочешь, дерзкая?

Эстер подняла на царя свои огромные черные глаза и тихо произнесла:

— Отпусти мой народ.

— Что? Что?! — Царь ожидал всего. Но такого... — Да ты в своем ли уме, девчонка?

Персы замерли. Такой дерзости не ожидал никто.

Эстер продолжала стоять на коленях, сжимая в руках тряпичную куклу. И все было бы похоже на какую-то детскую игру, если бы не слова, которые произносила девочка... О, нет! Это уже была — юная женщина, такой взрослой мудростью веяло от ее фраз.

— Прости меня, царь... Ты — храбр и бесстрашен. Ты — мужественный воин и — мудрый полководец... Ты выиграл много сражений и, благодаря победам, обогатил казну своего государства... Но ты... слишком жесток, царь!

Огромный зал ахнул.

Так с царем не позволено было говорить никому.

Пероз поднял на Эстер тяжелый взгляд и неожиданно серьезно и очень медленно произнес:

— Царю не пристало быть добрым! Сильным государством должен править сильный человек. А сила — это и есть жестокость!

— Может быть... — согласилась Эстер, — но скажи мне, твой отец был жестоким?

— О, да! Царь Иездигерд был очень жесток!

— А, был ли он жесток по отношению к тебе?

— Разумеется! Он хотел воспитать из меня достойного преемника!

— Скажи, а бывал ли твой отец... хоть иногда... добрым и ласковым с тобой?

Царь замолчал и внимательно посмотрел на девочку. Он пытался понять — куда она клонит... Естественно, его отец боготворил своего наследника...

Пероз невольно улыбнулся. Он вспомнил, как отец подарил ему маленького жеребенка и учил кататься на нем.

Пероз цепко держался за рыжую гриву, но однажды все-таки свалился. Отец тогда схватил его на руки, прижал к себе и долго носил так... Казалось, и сейчас Пероз помнит запах его кожаных доспехов...

Царь стер улыбку со своего лица и надменно взглянул на Эстер:

— О чем ты хочешь узнать, непокорная?

— Что запомнилось тебе в твоём отце больше всего — его жестокость или его доброта?

Царь молчал.

А Эстер мягко продолжила:

— Прости, царь, но так устроена человеческая память: хорошее помнится дольше.

— Ты говоришь — о памяти одного человека, а память народа скорее сохранит сильную руку, чем — доброе сердце! Нельзя выковать железо, ни разу не ударив по нему молотом.

— Может быть... Но — одного без другого не бывает. И чем добрее сердце правителя, тем больше сильных рук соберется возле него... Отпусти мой народ, царь... И память

о тебе будет жить гораздо дольше. Ведь дарить жизнь и миловать — привилегия от Бога!

Царь молчал.

Непостижимым образом девчонка сумела заглянуть в самые сокровенные тайники его души.

Да, Пероз был жесток. Немало крови он пролил в сражениях. И — своей, и — чужой. И его вовсе не смущало то, что имя его останется в истории обагренным кровью. Таков удел всех правителей. Но он также знал, что цари, хоть иногда, должны совершать добрые поступки. Даже отец когда-то говорил ему: «Сын мой! Мы поклоняемся огню... А огонь может — испепелить, уничтожить дотла! Но может и согреть! Если ты будешь только **сжигать** — тебя возненавидят! Но, если ты иногда позволишь себе — **согреть**... тебя будут бояться и почитать! На этом держится власть!»

Пероз кивком подозвал к себе Верховного Военноначальника:

— Сколько еврейских семей проживает у нас в городе?

— Сорок две.

— Я отпускаю половину... — Он внимательно посмотрел на Эстер, — выбери себе подарок... чтобы помнить обо мне. — Пероз указал девочке на грудь завоеванного добра.

Верховный Жрец наклонился к уху царя:

— Правитель, ты хорошо обдумал свое решение?

— Что-оо? — Вскипел Пероз. — Ты смеешь усомниться в правильности решений своего царя?

— Прости, но...

Пероз жестом остановил Жреца:

— Я — сказал! И так — будет! — С ударением на каждом слове веско произнес он.

«Смотри, не пожалей...» — зловещим шепотом прошипел себе под нос Верховный Жрец, удаляясь от царя. Но тот уже не обращал на него никакого внимания. С улыбкой Пероз наблюдал за Эстер, в раздумье стоящей у груды серебряных вещей. Вдруг, на какое-то мгновение взгляд его стал растерянным.

Эстер подошла к царю и остановилась перед ним.

— Я нашла то, что мне нужно!

— Но ты выбрала... совсем не женский подарок.

В одной руке у Эстер по-прежнему была тряпичная кукла, другой — девочка с трудом удерживала тяжелый воинский щит:

— Может быть... Но он будет напоминать мне о тебе...

— Тогда, почему не меч? — Криво ухмыльнулся Пероз.

— На нем слишком много крови...

— Ну, что ж... Ты свободна. Проводите ее! Девочка продолжала стоять перед царем.

— Иди! И постарайтесь убраться из города до восхода солнца... А то... царь может передумать!

Эстер не двигалась с места.

— Ну, что же ты медлишь? — Нахмурился царь.

— В твоих подземельях вот уже десять лет томится наш певец Давид... Отпусти его с нами.

— Зачем вам немощный старик?! Лишняя обуза в дороге.

— Если ты его отпустишь, он сложит песню о твоей доброте.

У Пероза было незыблемое правило: если он решал быть жестоким, то был жестоким до конца! Следовательно, если сегодня он решил быть добрым... К тому же девчонка опять была права...

Царь бросил короткий взгляд на начальника охраны:

— Вели отпустить поэта!

— Если он еще жив. — Ухмыльнулся тот.

Пероз развел руками:

— Ну, что ж! Я сделал для тебя все, что мог! ...И даже больше.

«Да здравствует великий Пероз!»

«Слава Перозу!» — вскочив со своих мест и потрясая оружием, закричали персы.

Обоз из двадцати одной повозки двигался по направлению к восточным воротам.

Несколько всадников, среди которых были и два сына Самуила, сопровождали процессию.

Тревожно глядя на безудержно алеющий восток, Самуил, сидящий на передней повозке, произнес: «Надо поторопиться! Вот-вот взойдет солнце!»

Чуть приподнявшись, он хлестнул лошадь.

Пероз, неподвижно стоя у мраморной колонны, наблюдал за уходящим обозом.

Не сдерживая своего негодования, возле него бесновался Верховный Жрец:

— Еще не поздно остановить их! Царь! Вели закрыть ворота!

— Нет. — Пероз медленно покачал головой. — Царь не меняет своих решений.

Верховный Жрец бросил злобный взгляд в небо. О, с каким бы наслаждением он наслал на этих евреев гром и молнию, призвав на

помощь Бога Огня, могущественного Ормузда! Но... Жрец покосился на Пероза... Перечить царю не осмеливался даже он — умеющий, когда надо, договориться с силами огня. Все-таки, если Бога Огня еще можно было как-то ублажить жертвенными дарами, то царь... вот он, здесь, рядом... И его земная расправа будет пострашнее небесной...

Последняя повозка выезжала за ворота.

Иаков, замыкающий процессию, оглянулся на город и приготовился сделать последний шаг.

Неожиданно два стражника, скрестив копья, загородили ему путь.

Начальник стражи, улыбаясь, смотрел на Иакова:

— Ты забыл свое обещание, еврей!

— Но царь отпустил нас!

— Оставит ли он в силе свое решение, если узнает, что вы собирались бежать из города?

— Начальник стражи улыбнулся еще шире.

Иаков молча достал из кармана узелок с деньгами и вложил в руку начальника стражи. Тот проверил его на вес, слегка покачав в ладони, и — кивнул стражникам.

Копья медленно разомкнулись перед Иаковым, открыв чистое, слегка подернутое расцветной дымкой, небо.

Еврей сделал шаг вперед, и первый луч солнца ослепил его глаза.

Тяжелые городские ворота, противно завизжав, лязгнули за спиной.

Ярко-оранжевый диск солнца медленно выдвигал себя из-за горизонта.

Царь осматривал лошадей, отвоеванных у неприятеля. Взор его задержался на высоком вороном жеребце, стоящем в стороне от табуна.

— Оседлай мне его! — бросил царь воину, стоящему рядом.

— Это конь эфталитского царя! Он никого не подпускает к себе...

— Седлай! Я — сказал!

Верховный Жрец, по-прежнему сопровождающий царя, никак не мог уговориться. Он вновь склонил перед Перозом свою голову, внимательно наблюдая за царем исподлобья:

— Позволь вернуть хотя бы девчонку, царь! Она нам пригодится...

Пероз нервно дернул головой.

При большом желании этот жест можно было истолковать как знак согласия...

И Жрец решился...

Сильной рукой Пероз пытался удержать жеребца, взвившегося на дыбы и пытающегося сбросить с себя неугодного всадника.

Жрец торопливо шептал персидским воинам, седлающим коней:

— Будьте осторожны! Эта девчонка — хитра, как змея. Она и слона сумеет провести сквозь игольное ушко! — Помолчав, Жрец добавил. — Я щедро награжу вас...

Жеребец нервно гарцевал под царем, пытаясь сбросить седока. Но — царь был хитер и силен.

Шестеро персидских воинов на горячих скакунах вылетели в раскрытые ворота и понеслись по степи.

Наконец жеребец смирился.

Он встал как вкопанный и понуро опустил голову.

Пероз прыгнул на землю. Похлопал жеребца по морде и бросил подскочившим воинам:

— Отведите его на мою конюшню и хорошо накормите! С сегодняшнего дня это **мой** конь!

Когда жеребца уводили, он поднял морду и так жалобно и громко заржал, что звук его голоса долетел до обоза, тянувшегося под степным палящим солнцем и отошедшего от городских стен на довольно приличное расстояние.

Одна из кобылиц даже ответила на призывное ржание, но вряд ли тот, кому предназначался ответ, услышал его.

На одной из повозок лежал старик с белой гривой волос и такой же белой бородой. Он что-то тихонько напевал и, казалось, всматривался в небо... если бы не тугая темная повязка на его глазах.

К повозке подъехал всадник.

Эстер (а это была она) протянула старику серебряный кувшин:

— Дядя Давид! Попей водички... — девочка наклонилась и подала старику кувшин прямо в руки.

— Спасибо, счастье мое!

— «Счастье, счастье ты мое! Богом данное мое!» — звонко пропела Эстер.

Они радостно рассмеялись.

— А почему ты не снимаешь повязку, дядя Давид?

— Ох, родная... Если пойманную птицу выпустить на свободу, то и она не сразу может взлететь в небо... Боюсь ослепнуть от яркого солнца... Я слишком долго не смотрел на свет...

— Жаль, ты не видишь, как я выросла!

— Ты стала очень красивой, Эстер!

— Как ты можешь судить о моей красоте?! Ведь под твоей повязкой — темно!

— Если в душе человека свет, то ему и ночью светло. Не волнуйся, девочка! Я еще успею налюбоваться тобой!

— А, если я прикрою тебя попоной, ты сможешь взглянуть на меня?

— Нет, что ты! — Ужаснулся Давид.

— Почему?

— Твоя красота ослепит меня больше солнца!

Они опять весело рассмеялись.

— Дядя Давид! — Не унималась девочка. — А почему у тебя нет с собой никаких вещей?

— Ты знаешь, царь не очень-то жаловал меня дарами... — усмехнулся старик. — Да и много ли надо простому поэту?! «...Господь — пастырь мой, с ним я ни в чем не нуждаюсь!» Я ведь еду — **домой!**

— Что это? — Эстер привстала на стременах и внимательно посмотрела в сторону города.

— Где?

К обозу по степи неслись несколько всадников.

Среди евреев зазвучали встревоженные выкрики:

— Царь передумал! Он решил вернуть нас!
К Самуилу, сидящему рядом с Иаковом на
последней повозке, подъехали сыновья:

— Мы не сдадимся без боя, отец!

— Помощь Бога да будет вам, дети мои!

Персы, подъехав к обозу, остановились.

Несколько всадников-евреев с обнаженными мечами закрывали им путь. Сын Самуила приподнялся на стременах и выкрикнул звонким мальчишеским голосом:

— Что вам нужно?

— Царь послал нас за девчонкой! Отдайте ее и можете спокойно продолжать свой путь! Никто вас не тронет.

Братья Эстер переглянулись. Руки их еще крепче сжали рукоятки мечей:

— Царь отпустил нас! И мы будем драться с вами, как свободные воины!

Персы расхохотались:

— Ты! Молокосос! Сначала — утри свои губы, а потом берись за оружие!

Мальчишка шмыгнул носом и невольно вытер подбородок.

Персы расхохотались еще больше.

Они заулюлюкали и, выхватив мечи, грозно начали вращать их над головами.

Еврейские воины решительно приготовились к бою.

Тем временем Давид, слез со своей повозки и медленно пошел вперед на звук голосов, выставив вперед правую руку и прислушиваясь к происходящему:

— Что там? Что происходит? Ответьте же мне!

Вдруг вперед выехала Эстер с серебряным щитом в руках:

— Вы — лжецы! Царь не мог отдать такой приказ! Не слушайте их! — Девочка повернулась к обозу. — Все знают, что царь Пероз никогда не меняет своих решений!

Один из персов прошептал другому:

— Хватаем девчонку и — поскакали...

Конь гарцевал под Эстер. Она вновь повернулась к персам:

— Вот щит, который ваш царь подарил мне! Если вы нарушите приказ, царь снесет ваши головы! — Девочка выставила перед собой щит.

Два перса стали украдкой подбираться к Эстер.

Вдруг от щита, которым она закрывалась, отразился солнечный луч и ударил в глаза старшему из персов. Грозный воин от неожиданности вздрогнул и заслонил лицо руками.

Эстер рассмеялась:

— Видите! Даже ваш бог Ормузд сегодня на нашей стороне!

Персы испуганно переглянулись.

Старший воин, отведя руки от лица и стараясь не поднимать глаз на Эстер, тихо произнес в сторону соседа:

— Жрец сказал, что щедро наградит нас... Значит... это **его** просьба, а не приказ царя... — Он резко развернул коня и махнул рукой. — Поехали!

Давид продолжал медленно двигаться в сторону громких голосов. Он не понимал, что происходит, но тревога росла в его сердце.

Один из персов, разворачивая коня, толкнул неловкого старика.

Другой, проезжая мимо, злобно хлестнул плетью: «Прочь с дороги!»

Давид упал.

Эстер бросилась к нему:

— Дядя Давид! — Спрыгнув с коня, она пыталась поднять Давида. К ней бросились на помощь братья.

— Ничего... ничего... — старик тяжело дышал. — Не плачь, моя хорошая... Я еще произнесу тебе «Семь благословений»... И колыбельную песню напишу для твоего сына...

Персы уносились от обоза в сторону города.

Пыль, вздымаемая копытами их коней, закрыла солнце, и в степи потемнело.

Давид сорвал повязку и взглянул в небо чистыми голубыми глазами:

— Света! Дайте мне света!

Слезы капали из запрокинутых глаз Эстер.

Это были ее первые взрослые слезы.

Обоз медленно тянулся по желтой каменной пустыне.

На последней повозке лежал Давид.

Лицо его было закрыто серебряным щитом...

Он не произнесет «Семь благословений» на свадьбе Эстер. И не напишет колыбельную для ее сына.

И хвалебную песнь, прославляющую доброту царя Пероза, тоже не сложит...

Через два года в персидском городе Исагани произойдет столкновение между магами и евреями. Два мага будут убиты. За это Пероз прикажет вырезать половину еврейского населения города, а еврейских детей отдать в персидские храмы, чтобы приучить их служить богу огня.

Экзиларх вавилонских общин ГуниМара и два законоучителя будут заключены в темницу, а затем казнены. Еврейские школы

в Вавилонии будут закрыты, а юные ученики насильственно обращены в религию персов...

Евреи назовут Пероза — «рашиа»! Злодей. С этим именем он и войдет в историю: Пероз-злодей...

К сожалению, один добрый поступок на чаше весов Господа не может перевесить сотни злых...

А может — к счастью...

Серебряный щит медленно плыл на повозке, отражая солнечные лучи и разбрасывая вокруг себя тысячи ослепительных солнечных «зайчиков»...

«Зайчики» улетали куда-то в степь...

Отражались от других блестящих предметов, находящихся в обозе. Возвращались назад...

И в какой-то момент вдруг... слились вместе в одно ослепляюще яркое золотое пятно и залили нестерпимым светом весь экран...

Прошло всего каких-то полторы тысячи лет.

И солнце — то же! И небо — то же!

И те же (или — такие же!) солнечные «зайчики» резвятся на... крыле самолета, слегка подрагивающем в воздухе и мягко разрезающем белую пену облаков.

Наше время. Россия.

Крепкий старик необозначенного возраста (ему могло быть и — шестьдесят, и все — восемьдесят!), в затемненных солнечных очках, с аккуратным ежиком седых волос, задумчиво смотрел в окно самолета.

Сосед справа легонько подтолкнул старика локтем и указал на бортпроводницу, предлагавшую «застегнуть ремни».

Стюардесса говорила по-английски, и старик машинально произнес в сторону соседа:

— Thank you!

— Бевакаша!¹ — Вежливо ответил сосед.

Самолет, мягко качнув крылом, пошел на разворот.

— Что это? — Вдруг произнес седой старик, глядя вниз.

— Где? — Сосед потянулся через плечо старика и тоже посмотрел в окно.

По узкой горной дороге тянулась длинная серая колонна, состоящая из танков, бронетранспортеров и грузовых машин, крытых брезентом.

— А-а-а, это... — Мужчина равнодушно откинулся в кресле. — Наверное, Россия опять откуда-то выводит войска... А, может, не Рос-

¹Пожалуйста

сия... А, может, не «выводит», а — вводит!

— Куда?

— А какая разница?! Везде — люди. И всем — одинаково страшно, когда стреляют... и больно, когда попадают... — Поймав взгляд старика, брошенный на его левую руку с обрубленными верхними фалангами пальцев, мужчина криво усмехнулся. — Да. И мне тоже было больно! Но здесь... — он постучал себя по груди, — гораздо сильнее, чем здесь! — Он потряс рукой и отвернулся. Но тут же вновь повернулся к старику. — Простите, вы — еврей?

— Нет. А что?

— Странно. А ответили, как еврей! — Засмеялся мужчина. — Ну, это я так, к слову... Вот вы мне скажите! Почему у нас всегда и во всем обвиняют евреев?!

— Да, я бы не сказал, что так уж и во всем! — Пожал плечами старик.

— Да??? Вы бы не сказали?! А вы знаете, **что** мне написал недавно мой сын из Парижа?

Старик выжидающе смотрел на мужчину.

— ...что у них там на улицах опять стали бить евреев и велосипедистов!

— А велосипедистов за что? — Непроизвольно произнес старик.

Мужчина патетически всплеснул руками:

— Ну! Вы слышали?! И он-таки мне будет говорить!...

Самолет мягко коснулся колесами земли и покатился по посадочной полосе. Пассажиры дружно зааплодировали.

Поднимая пыль, большой автобус мягко подкатил к добротному кирпичному дому, утопающему в тени густого сада за высоким зеленым забором.

Из автобуса вышел уже знакомый нам старик, с небольшим чемоданчиком и светлым плащом, перекинутым через руку.

Почти в ту же минуту к дому подъехало такси.

Из него вышел недавний сосед старика в самолете.

Увидев старика, мужчина всплеснул руками:

— Э хун эн у гильменди!¹ Да, это же дядя Семен, сын казака Степана! Как же я вас сразу не узнал?! Ай-яй-яй! Что же вы не признались?! Поехали бы вместе! Деньги бы сэкономили!.. А, ну да Бог с ними, с деньгами! — Он стал открывать калитку. — А вы меня не узнали? Так я же — Малах! Миша! Внук дедуш-

¹ Клянусь платком с кровью девственницы!

ки Герциля! Ой, как он обрадуется! Ой, как обрадуется! ...Если, узнает вас, конечно! Тетя Кимхо звонила, сказала — совсем плохой стал... На смертном одре лежит... Никого не узнает... — Малах грустно склонил голову.

Откуда-то из-за дома донеслось громкое ку-дахтанье кур и какие-то невнятные выкрики.

Семен и Малах недоуменно переглянулись и, озираясь, двинулись по тропинке к дому.

Вдруг прямо перед ними на дорожку вылетел откуда-то из кустов огромный огненно-рыжий петух и, издавая нервный клекот, стал бочком пробираться к калитке, мимоходом что-то склевывая с земли.

Через секунду из тех же кустов появился... Герцель и с распахнутыми объятиями двинулся... нет! — не к гостям, а — за петухом, тихо проговаривая себе под нос:

— Слушай! Я тебе по-хорошему... последний раз говорю... или ты идешь в суп! Или — я за себя не отвечаю!

Странная пара плавно, как при замедленной съемке, прошествовала мимо оцепеневших Семена и Малаха.

— С приездом... — Все же успел на ходу вежливо бросить гостям Герцель и... с победным воплем упал на петуха.

— Герцель! — С крайней степенью удив-

ления произнес Семен, глядя на друга, лежащего на земле и крепко держащегося за петушиные ноги. — Ты же должен лежать на «смертном одре»!

— Ну, так я и лежу! — Невозмутимо произнес Герцель.

— Где ты лежишь?!

— Нет, ну ты его послушай! — Обращаясь к петуху, проворчал Герцель. — У него ко мне какие-то странные претензии! ...Ты что, хочешь, чтобы я действительно умер? — Он задрал голову и посмотрел на Семена.

— Побойся Бога, Герцель!

— Ну, так подыми... и обними своего старого друга!

Малах всхлипывал от слез и давился от хохота.

Вдвоем с Семеном они бросились поднимать с земли Герцеля и петуха. Петух орал и вырывался, хлопая крыльями по лицам всех участников сего действия. Наконец, все, кроме петуха, оказались твердо стоящими на земле.

— Подержи, мой золотой! — Герцель сунул петуха Малаху и крепко обнял Семена. — Здравствуй, Семочка! Здравствуй, друг мой, самый дорогой, самый бесценный! Шори-ники дараво э дульту!¹

¹ Радость и счастье да войдут в твою душу!

Растроганный Семен вытирал глаза.

Но долго расслабляться Герцель ему не позволил. Он взял петуха из рук Малаха и сунул его другу со словами:

— Теперь ты! ... Здравствуй, Мишенька! Здравствуй, внучек мой заботливый! — Герцель тискал в объятиях Малаха. — Э пой-пойнейту альгойту кэле бирэ э миротгьой хуштэ расо! Э пой-бошорайту хубигьо гэрдо!¹

Малах тоже стал растроганно шмыгать носом.

Тем временем петух отдышался, изловчился и — клюнул Семена в висок.

Семен заорал и выпустил петуха из рук.

Герцель укоризненно посмотрел на Семена:

— Как же ты так, Семочка?

— Он же клюнул меня! — Возмутился Семен.

— Ой, Сема! Мало нас с тобой в этой жизни клевали?!

— Дядя Семен! Он вас не только клюнул... — Малах показал Семену на запачканный пиджак.

— Герцель! Он меня еще и обосрал!

— Ой, какие мы стали нежные в этой своей Америке! Подумаешь! Накакала на него

¹Чтобы дети твои рядом с тобой росли и достигли всего, что пожелают! Чтобы в доме твоём, как в Божьем раю, благодатно было!

бедная птичка! — Герцель взял щепочку и стал чистить пиджак друга. — И то сказать: аруси бисто — дэрд эри хуруз, ер-емо бисто — гье генеш дэрд эри хуруз!¹ Иди гуляй, мой хороший! Не пришло еще, видать, твое время!

Петух, обиженно косясь глазом почему-то на Семена, боком отходил в сторону и ворчливо, как-то не по-петушиному, кряхтел.

— Ай-яй-яй! Бедная птица от страха совсем голос потеряла! — покачал головой Герцель.

Но тут петух, словно реабилитируя себя, захлопал крыльями, взлетел на забор и заорал во всю свою петушиную глотку: Ку-ка-ре-ку!!!

— Слава Богу! Жить будет! — Удовлетворенно сказал Герцель.

— А как же суп? — Съехидничал Семен.

— Ай, бирор, обижаешь! Что же мне, кроме супа, и на стол поставить нечего?

Праздничный стол ломился от угощений.

Кроме Семена и Малаха за столом у Герцеля сидели две его дочери — Кимхо и мать Малаха Хая, приехавшие из Израиля; пле-

¹ Будет свадьба — горе петуху, будут поминки — петуху опять горе!

мянник Суруиль — из Тюмени, и жена Суруиля — Мария.

Герцель подливал гостям домашнее вино, сыпал прибаутками и вовсе не похож был на умирающего...

После ужина Семен с Герцелем вышли в сад и присели на лавочку под старой раскидистой яблоней.

— Ну! Зачем вызвал? — Произнес Семен и невольно потрогал белый пластырь, наклеенный на висок.

Герцель покосился на друга и хихикнул:

— Да, уж, конечно, не затем, чтобы тебя мой петух заклевал!

Тут с яблони свалилось крупное яблоко и стукнуло Семена по голове. Семен наклонился, поднял яблоко с земли, покачал его в руке и глубокомысленно произнес:

— Понял... Чтобы забросать меня яблоками!

— А что! — В тон ему продолжил Герцель. — Одного умного человека яблоко ударило по голове, и он открыл очень важный закон... Может, ты тоже для себя что-то откроешь...

— Вечно ты загадками говоришь, брат!

— Гьер чим-чигеш — гиликюни!¹ — Засмеялся Герцель. — Пойдем спать, бирор! Эри

¹ У каждой пташки — свои замашки!

гьер чи ваадеюни¹. Завтра поговорим. — Он тяжело поднялся и, потрепав Семена по плечу, пошел в дом.

— Я посижу еще немного. Подышу.

— Ну-ну... Дома и воздух сладкий! — Согласился Герцель.

Семен остался один.

Огромное яблоко в его ладони светилось нежным белым светом. Семен улыбнулся. Он вспомнил другое, такое же большое и красивое яблоко... Яблоко своего детства...

Воспоминания Семена.

...Детская ручонка тянулась к тонкой ветке с одиноко покачивающимся на ней огромным, как маленькая луна, яблоком.

Степан поднимал сына вверх на вытянутых руках и приговаривал:

— Ну, давай, казак! Еще чуть-чуть... Порадуем бабушку добычей!

Семка кряхтел и изо всех сил тянул вверх свое худенькое тельце. Наконец маленькие пальчики ухватили плод и дернули его вниз.

Обеими руками обхватив яблоко, мальчишка побежал в избу:

¹ Для каждой вещи свое время.

— Бабушка! Бабушка! Смотри, чего у меня...

Вдруг гулкие удары за спиной заставили мальчишку оглянуться: как маленькие светящиеся планеты медленно опадали яблоки с яблони.

Завороженными глазами смотрел Семка на это волшебство — так мало нужно было старой яблоне, всего лишь один рывок слабой детской ручонки, чтобы освободиться от тяжести плодов и вновь устремить к небу свои свободные ветви.

К невысокому плетню подскакал всадник в красноармейской форме и прокричал, не слезая с коня:

— Командир! На том краю села евреи зерно закапывают!

Степан залетел в избу. Схватил с гвоздя фуражку и саблю. На ходу бросил матери:

— Буду не скоро! Ужинайте без меня!

Семка, прилипнув к стеклу, смотрел, как отец взлетел на лошадь и, низко пригнувшись, помчался по пыльной улице.

Красноармеец поскакал вслед за командиром.

Семен повернулся к бабушке:

— Ба! А я, когда вырасту... у меня тоже такая сабля и картуз будет, как у бати... —

Полуутвердительно-полувопросительно произнес мальчик.

— Конечно, будет, внучек! И — сабля! И — картуз! И — конь вороной! Казаку без сабли — никак нельзя! — В избу вошел отец Степана и, сняв с гвоздя свою саблю, потрогал заскорузлым пальцем лезвие. — Пойдем, парень, я тебя махать научу! Только, подточим малехо...

— Чиво-оо? — Грозно протянула бабка, счищая ножом тонкую кожуру с крупной картофелины. — Намахается ишшо! Ишь, чего удумал! ...Махальщик!

— Тьфу! — Плюнул дед. — Ты — казак? Или — жид?

— Казак! — С готовностью вскочил с лавки Семен.

— Сядь! — Внушительно произнесла бабка. — А ты, старый... лучше скотине воды носи.

— Наточу саблю! ...и наношу. — С достоинством ответил дед и, хлопнув дверью, вышел из избы.

— Хм... Казак! — Бабка одобрительно посмотрела на задрожавшую дверь. Нож в ее руках забегал еще быстрее.

Тонкая ленточка картофельной кожуры, извиваясь, падала в ведро.

Семка задумчиво наблюдал за ее причудливыми изгибами. Наконец, он решился:

— Ба, а ба...

— Чего тебе?

— ...а почему, у всех мальчишек есть мамы, а у меня — только батя, и вы с дедом, а?

— Ну, так это... — бабка закашлялась, — померла твоя мамка! Вот, взяла и померла!

— А, какая она была? Красивая?

— Да я ее... и не видела никогда! Тятка-то тебя из города привез! Вот такусенького... — бабка отмерила сантиметров пятнадцать между ножом в одной руке и картофелиной в другой. Подумала и чуть увеличила расстояние. — Не... вот такусенького... «Вот! — говорит нам с дедом, — мой сын и ваш внук Семен! ...А мамка наша... померла, значит...» А ты лежишь... такой хорошенький... Прямо, на батю и похож своего! И — ручки, и — ножки, и — глазки... Все в аккурат, как у Степки маленького...

— А я плакал?

— Не... Ты смеялся все время! И деда за бороду — цоп!

— А дед — чиво?

— А, чиво дед? «Казак, — говорит, — будет! Весь в меня!» — Бабка устало посмотрела на Семку. — Иди, погуляй лучше! А то — совсем запытал бабу своими «почемуками»...

Семка и маленький Герцель махали палками, снося головки бурьянам и под корень срезая листья лопухов. Уморившись, Семка отбросил палку и сказал другу:

— А, давай, кто дальше сикнет!

— Давай!

Приспустив штанишки, пацаны выставили свои «орудия» и стали старательно тузиться.

Две струи засверкали в воздухе.

— Я — дальше!

— Нет, я!

— Слушай, а чего у тебя писька не такая, как у меня? — Семка вдруг стал внимательно рассматривать «орудие» приятеля.

— Не знаю...

— Может, ты — жид? Дед говорил, что у жидов письки обрезанные!

— Не... мы — евреи! — Добродушно ответил Герцель, застегивая штанишки.

Друзья лежали в высокой траве голова к голове и смотрели в небо.

Высоко в облаках медленно проплывал аккуратный клин журавлей.

Вдруг Герцель резко поднялся и повернулся к Семену:

— Слушай, а может, у тебя и не было вообще никакой мамки?

— Как это? — Удивился Семка.

— Ты знаешь, — заторопился друг, — мне бабушка рассказывала об одном мальчике... Так его — гуси-лебеди принесли! ...Может, тебя тоже они несли с собой и уронили? А твой батя нашел и домой принес!

— Не знаю! — Пожал плечами Семка. — Может! Хотя, знаешь... лучше б она была у меня... мамка...

Герцель сочувственно посмотрел на друга и вдруг, придвинувшись, зашептал громким горячим шепотом:

— Семка! А давай с тобой дружить!

— Так мы ж и так дружим!

— Не... давай по-настоящему! Как Яков с Федором! На всю жизнь! Давай?

Семкины глаза загорелись:

— Давай!

Семка хватил с земли свою палку и протянул Герцелю:

— Возьми мою саблю, брат!

Герцель так же торжественно протянул ему свою:

— А ты — мою, бирор!

Обменявшись «оружием» мальчишки крепко обняли друг друга. Шмыгнув носом, Герцель произнес:

— Теперь мы — побратимы, да?

— Ага! — Замахал головой Семка.

— На всю жизнь?

Семка опять закивал.

Мальчишки хлопнули друг друга по рукам и опять завалились в высокую густую траву.

В небе по-прежнему курлыкал клин журавлей.

Наше время. Россия.

Герцель и Семен стояли, задрав головы, и смотрели в небо. Высоко над ними пролетал клин журавлей.

Герцель локтем толкнул друга в бок:

— А, помнишь, как мы были уверены, что тебя принесли журавли на крыльях?!

— Конечно, помню! — Семен улыбнулся.
— Знаешь, иногда мне кажется, что это — правда... Я ведь так и не узнал, кто моя мать... И теперь уже никогда не узнаю... Отец не успел сказать... А дед с бабкой, наверное, и сами не знали...

Герцель крикнул и отвернулся от Семена.

— Ты чего, брат? Плачешь, что ли? — Семен развернул друга к себе и заглянул ему в глаза.

— Да, не... — Герцель потер глаза. — Чего в глаз попало... Слушай, а Федьку с Яшкой помнишь? Как они к девкам ходили?

— Ходили — ладно! Как они от них — вертались!

Друзья залились смехом.

Воспоминания Семена и Герцеля.

Перед пыльной дорогой в задумчивости стоит худенький еврей в белых полотняных брюках и ослепительно белых парусиновых туфлях.

Из соседней калитки выскакивает верзила-казак и, подбежав к еврею, дружелюбно хлопает того по плечу:

— Ну, что, Яшка, пошли?!

Яшка, едва удержавшись на ногах от дружеского хлопка, грустно вздыхает.

— Ты чего? — Не понимает казак.

— Да, вот! Брат из города зубной порошок привез...

— Ну и что?

— ...я туфли покрасил...

— Красиво! — Глянув на туфли, оцени-

вает Федор. — А грустишь — чего? — Он опять хлопнул Якова по плечу. — ...К девкам идем!

— Запачкаю... — Яков задумчиво смотрел на туфли.

— Так... по тропинке пойдем! — Нашел выход Федор, махнув рукой в сторону степи.

— Промочу...

— И че теперь? — Растерялся Федор.

— Не пойду... — Яков поднял на друга огромные печальные глаза.

— Ты чего, дружище? Всю неделю собирались! А... — Федор вдруг, оглянувшись по сторонам, решительно опустил на корточки. — Садись!

— Куда? — не понял Яков.

— Куда-куда! На плечи!

— Ты чего? — Яков испуганно посмотрел на Федора. — Неудобно! Люди смеяться будут!

— Что мне — люди?! Мне друг — дороже! Садись — сказал!

Яков осторожно взгромоздился на Федора и обхватил его голову.

Федор выпрямился:

— Ну, как? Удобно?

— Да, вроде... ничего... — Яков поудобнее

умостился на мощных плечах, огляделся вокруг и вдруг всплеснул руками. — Слушай, пойдем скорей! Опоздаем ведь!

Петух на соседнем заборе захлопал крыльями, готовясь проорать свое «кукареку»... но вдруг — передумал, удивленно повернув голову вслед забавной парочке: такого он еще не видел! Какое тут «кукареку»?! У него аж гребень набок свалился!

Федор давно уже шел по узкой уютной тропинке посреди цветущего луга и при желании, наверное, мог бы опустить друга на землю, но заслушался рассказом Якова.

— Ехал однажды магнат...

— Кто-кто? — переспросил Федор.

— Ну, богатый человек!

— А...

— ... в роскошной карете, которую везла шестерка породистых лошадей, купленных в разных странах. Карета застряла в трясине, и сколько кучер ни стегал лошадей, они не могли вытянуть карету.

— Ничего себе! Шестеро лошадей — одну карету несчастную! — Недоверчиво хмыкнул Федор.

— Ты слушай! — Пришпорил его коленями Яков. — Тут появился крестьянин на телеге, которую везла всего пара лошадок...

Федька вдруг с легкостью подпрыгнул и громко заржал.

Яков, едва не свалившись с его шеи, испуганно замахал руками и закричал:

— Ты чего?

— А, так... весело! — Смущенно пояснил Федька.

— А... Ну, тогда ладно! ...Так вот, крестьянин только показал кнут своим лошадям и они его — р-раз! И — вытянули! Магнат удивился и спрашивает: «Слушай, в чем же сила твоих лошадей?» — «Э... — говорит крестьянин, — ваши лошади, хоть и сильны по отдельности, но все — разной породы, и нету между ними никакой связи. Каждая считает себя породистее другой и клонит в свою сторону: стеганешь одну, а другая только радуется! А у меня лошадки простые, одной масти — кобыла со своим жеребенком. Родные они друг дружке... Чуть пригроишь кнутом одной из них, так другая все силы прикладывает, чтоб помочь той, что рядом...

— Вишь, оно как... — Задумался Федор. — Говоришь, мать с жеребенком... Дак, конечно, все жилы рвать-то будут! Сын за матку и мать за сына!

Какое-то время они шли молча, затем Федор поднял голову, стараясь заглянуть в глаза Якову:

— Слышь, Яшка! А мы с тобой — «одной масти»?

— А ты как думаешь?

— Я думаю — одной!

— Так и я ж тебе об этом! — Засмеялся Яков. — А вот еще байка....

Белый цветок на тоненькой ножке потянулся вслед звуку голоса, очевидно, тоже желая послушать интересную историю, но крепкие ноги Федора, уверенно ступая по тропинке, удалялись все дальше и дальше...

Цветку стало грустно и одиноко.

Но он решил подождать. Он знал абсолютно точно — тот, кто уходит, обязательно когда-нибудь вернется...

Вот только — когда...

Вечерний сумрак обволакивал степь.

Затем — потемнело, и на небе проявились первые яркие звезды.

Они улыбались цветку и даже подмигивали ему.

Он тоже, покачиваясь, кивал им в ответ своей пушистой белой головкой и думал, что это, наверное, тоже цветы. Только — большие и яркие.

Цветок не знал, что такое — «звезды»!

Он ведь нигде, кроме своей степи, и не бывал вовсе...

Издалека вдруг слышалась песня.

Ее пел громкий и явно — не очень трезвый голос:

«Ехал казак по широкой степи!

Конь вороной вдруг споткнулся под ним!

Р-р-раз и др-р-ругой...

Эх, казак удалой,

Может, вернешься домой?»

Цветок встрепнулся и сбросил с себя остатки чуткого сна. Это возвращались с вечеринки его недавние знакомцы — Яков и Федор. Только... распределение сил было уже другое.

Впереди, в закатанных штанах и с туфлями, болтавшимися на шее на связанных шнурах, шествовал Яшка.

Опираясь на него и покачиваясь, брел Федор, умудрявшийся орать на всю степь казачью песню.

Придерживая за пояс Федора (выше он просто не доставал!), хрупкий Яша волочил на себе друга, периодически останавливаясь и вытирая пот со лба.

В эти моменты шатающийся Федор старал-

ся удержаться на ногах и, сочувственно глядя на Якова, спрашивал:

— Те-е-ебе помочь?

— Не надо, справлюсь! — гордо ответствовал Яков.

— Ну, ладно! Т-тогда пошли!

И парочка таким же образом продвигалась еще на несколько метров вперед.

Яшка и Федор умудрились пройти по тропинке, не задев цветок, и он завистливо посмотрел им вслед: «Вот это — настоящая дружба! — думал цветок. — А у меня... даже сорняка никакого рядом нет...» И цветок опять задрал свою головку в небо... А по степи несло:

«Э-э-эх! Ехал казак по широкой степи...

Конь вороной вдруг споткнулся под ним...»

Ночная степь внимательно слушала эту песню.

А потом было утро...

...Поднимая пыль, лошадиные копыта грузно ухали по проселочной дороге.

Слегка покачиваясь в седлах, Яков и Федор ехали верхом.

Лошади шли неспешным шагом, и приятели могли вполне насладиться философской беседой.

— Вот ты мне, скажи, брат! — Допытывался Федор. — Почему жизнь устроена так несправедливо?!

— Это тебе так только кажется! На самом деле, Господь устроил все очень мудро! — Неторопливо отвечивал Яков.

— Ну да! — Недоверчиво воскликнул Федор.

— Правда-правда! Просто... мы не всегда понимаем эту мудрость!

— А докажи!

— Да ради Бога!

Яков похлопал своего жеребца по спине:

— Как ты думаешь, это — что?

— Как — «что»? Конь!

— А вот это... — Яков, сведя ладони, отгородил маленький кусочек на коже жеребца.

Федор потянулся к другу, заглянул через плечо:

— ...Ну, кусочек шкуры...

— ...Чьей шкуры?

— ...Ну, коня... — Федор подозрительно смотрел на друга.

Яков засмеялся:

— А как ты можешь знать, что именно — коня?! ...А не кого-нибудь другого?

— Ну, так... вот же он! — Федор в недоумении показал на коня.

— А если тебе сначала покажут это... — Яков опять свел ладони, — ты догадаешься, что это конь?

Федор задумался. Покачал головой. Хмыкнул в растерянности. Взглянув на друга, хотел задать очередной вопрос, но тот опередил его.

— Знаешь, — продолжил Яков, — мы не всегда сразу можем понять для себя замысел Бога... Вот, Он делает что-то... А нам кажется: ой, как несправедливо! Ой, как неправильно! А потом, проходит время, и, оказывается, все было очень даже справедливо и правильно! Пыль мягкими облачками вздымалась и опадала под копытами лошадей.

Доехав до зеленого лужка с высокой травой, всадники остановились и, расседлав коней, стали точить косы.

— Вот, есть одна притча... — Продолжил Яков. — Хочешь, расскажу?

— Давай! — Радостно согласился Федор. Он очень любил слушать Яшкины «побреньки», как их называли в селе.

— ...Два брата всю жизнь жили в городе.

За высокой стеной. И никогда не видели ни полей, ни лугов...

— А я в городе никогда не был! — Задумчиво произнес Федор и почесал затылок.

— ...и вот решили они как-то отправиться в деревню!

— На хрена им деревня, городским-то?

— Ну, это же притча! — Терпеливо пояснил Яков.

— А-а-а...

Наточив косы, друзья стали в ряд — Яков впереди, а Федор — чуть сзади, и пошли косить траву.

Федор вытягивал голову вперед, чтобы лучше слышать Яшкины слова.

— ... Вот, идут братья по дороге и видят, как крестьянин пашет землю! «Что он делает? Зачем он портит такую красивую траву?» — говорит один брат...

Федор ухмыльнулся.

— ...Потом смотрят — а он берет зерна и бросает их в борозду! «Ничего не понимаю! — говорит другой брат. — Зачем он хорошие зерна выбрасывает в грязь?! ...Не нравится мне эта деревня! Вернусь я в город!»

— Во, идиот! — Не выдержал Федор.

В небе летал коршун и Яков засмотрелся на него.

— Ну, а дальше! Дальше-то чего? — Не выдержал Федор.

— Он уехал, а брат его остался в деревне жить...

— У кого???

— Ну, может, у этого крестьянина и жил!

— Так, а чего ж он у него не спросил, что тот с зернами делал? — Запальчиво произнес Федор.

— Ну, не знаю... — задумался Яков. — Может он... иностранец был?

— А, точно! — Обрадовался Федька. — Он по-русски, видать — ни бельмеса! ...А тот его, наверное, в работники взял! Хотя какая с иностранца польза?!

— ...А через несколько недель смотрит... тот, который в деревне остался... а засеянное поле стало покрываться зеленушкой! Да, такой красивой и нежной... Он брату и написал, чтоб тот приехал и посмотрел...

— И че, тот — приехал?

— Ну, да! Смотрит — и правда, красиво! Потом... еще немного времени прошло, и пшеница заколосилась... А когда колосья совсем спелые стали, хозяин принес косу и стал ко-

силь... И тут... этот брат, ну, который приехал... закричал: «Он ненормальный! Такая красивая выросла пшеница, а он ее своими руками срезает! Смотреть тошно! Уеду обратно в город!» И уехал насовсем! ...А первый брат продолжал жить в деревне. И через какое-то время увидел, что хозяин собрал пшеницы в сто раз больше, чем посеял! И смолот из нее муку... И стал печь хлеб... И еще в амбар на следующий год спрятал зерно... И тогда брат догадался, что у крестьянина с самого начала была своя цель и здравый смысл... Понял?

— Ну, так... я с самого начала все понял! — Самоуверенно заявил Федор.

Яков улыбнулся и спокойно продолжил:

— Вот так же и Бог! Все его замыслы — нам на благо! Но мы видим только малюсенькую частичку его работы... А всего смысла деяний Всевышнего нам постичь не дано!

— Что — никогда-никогда? — С ужасом спросил Федор.

— Ну, может... когда-нибудь... — Неуверенно произнес Яков.

Друзья подошли к котомке, лежащей на траве у обочины. Федор достал из нее кринку молока, дал Якову. Яков отпил немного и протянул назад.

— Да, ты пей, пей! — Отмахнулся Федор.

— Я успею...

Яков пил молоко из кринки. Тонкая струйка текла по подбородку. Федор заботливо ладонью вытер подбородок Якова.

— А? — Спросил Яков и снизу вверх посмотрел на друга.

Федор улыбнулся.

Высоко в небе парил коршун, высматривая добычу.

И вдруг — камнем упал вниз.

Раскаленное солнце дышало полуденным зноем.

Ярко пылал огонь в кузнечной топке.

Федор вынул из огня подкову и сунул в ведро, стоящее рядом. Подкова зашипела.

— Давай сюда! — Федор махнул рукой.

Яков подвел коня к наковальне.

Достав из ведра подкову, Федор стал подковывать коня.

Конь нетерпеливо водил ушами, но стоял неподвижно.

— Слышь, Яшка! — Между делом обратился Федор к другу. — К девкам-то пойдём или как?

— Или — «как»! — Серdito ответил Яшка.

— Ну, че ты? До сих пор обижаешься? — Примириительно протянул Федор.

Яшка молчал.

— Ну, я ж не специально! ...Он первый начал! — Стал оправдываться Федор.

Конь фыркнул и дернул ногой.

— Тпру, зараза! — Прикрикнул Яшка на коня и сердито посмотрел на Федора. — Ты вечно позоришь меня! То — в драку ввяжешься! То — напьешься!

— Ну, прости, брат! Ну, последний раз! Ну, вот, ей-Богу! Ну, вот те крест святой! — Федор размашисто перекрестился зажатой в руке огромным молотом.

Яков вздохнул.

— Ну, ладно... Но смотри мне! Если что! — брошу и уйду сам!

— Ладно... — расплылся в широкой улыбке Федор. — ...Отпускай!

Яков отпустил коня и хлопнул его по спине:

— Иди давай!

Конь побежал к кобылице, пасшейся неподалеку. Остановился рядом, заржал призывно...

— Ишь... озорует! — Федор подмигнул Якову. — Слышь, а ты свою... зажимал уже?

Яков покраснел и отрицательно замотал головой.

— А я свою...попробовал давеча... — Федор потянулся и расправил плечи.

— И — че? — Выжидающе посмотрел на него Яшка.

— Ну, дак... — Довольно кашлянул Федор. — Ничо, так... Нормально...

Яшка загрустил.

— Да, ты не теряйся! Я тебя, брат, научу, как с ними надо! Сначала... — Федор наклонился и стал что-то горячо шептать другу на ухо.

— Да, ну тебя! — Яшка смущенно махнул рукой.

Мимо кузни проскакал всадник, что-то крича на ходу.

— А? — Федор, не расслышав, повернул голову вслед за всадником.

Второй всадник, догоняющий первого, ту же самую фразу выкрикнул уже громче:

— Бей жидов! Спасай Россию!

В ту же секунду, когда прозвучало последнее слово, Федор вдруг... размахнулся и изо всей силы влепил с правой ничего не подозревающему Якову, мирно стоящему рядом.

Яшка от мощного удара отлетел в кусты, а Федор остался на месте, изумленно рассматривая свою руку, как нечто абстрактное, существующее автономно от тела.

Когда обалдевший Яков подошел к Федору, тот все еще пребывал в состоянии некой прострации.

— Ты чего? — Потирая скулу, задал друг вполне логичный вопрос.

— Дак, это... Сам не знаю... Она сама чего-то... — Федор растерянно протянул Якову неловко согнутую руку.

Яшка какое-то время смотрел на руку, затем — на друга и вдруг рассвирепел.

— «Сама», говоришь?! Да?! Так, вот, значит, какой ты друг?! Вот, значит, ты какой!!! А я тебя... А я для тебя...

Подскакивая, как молодой петушок, он начал колотить друга в грудь, в живот, в плечи... В общем, во все места, куда только мог достать.

Растерянно улыбаясь, Федор даже не уворачивался.

Стоял неподвижно и покорно принимал удары.

Молодой Семен в военной форме с ромбами командира внимательно рассматривал шеренгу штрафников, присланную в поддержку завтрашней атаки.

Угрюмые лица. Взгляды исподлобья...

Да... Контингент еще тот...

Вдруг взгляд Семена остановился на неуклюжей фигуре в короткой мятой шинели...

Не может быть! Семен сощурил глаза и тут же отвел их в сторону.

Солдатик захлопал ресницами и опустил голову.

— Значит, так! — Жестко произнес Семен. — Искупать свою вину перед Родиной будете кровью! Повезет — останетесь живы. Не повезет — умрете героями! Третьего не дано! Ясно?

— «Так точно!»... «Понятно, начальник»... «Да, че там»... «Не фасонь, фраер!»... — нестройный хор голосов ответил командиру.

— Так... — На скулах Семена заиграли желваки. — На вопросы в строю положено отвечать «так точно!» За неподчинение приказу — расстрел на месте. — Он положил руку на кобуру пистолета, висящую на боку. — ...Кто не понял — шаг вперед.

Шеренга угрюмо молчала.

— ... Значит, поняли. Хорошо... Оружие и боеприпасы выдадут завтра перед боем. Пять винтовок... на всех! К каждой — по два патрона...

Шеренга недовольно зашевелилась.

— ... Прекратить! — Чуть повысил голос Семен. Устало добавил. — Остальные добудут оружие в бою. Ясно?

— Так точно. — Ответил нестройный хор.

— Разойтись!

Недовольно бурча, шеренга рассыпалась.

Не оглядываясь, Семен пошел в командирскую землянку.

Остановился у входа. Подозвал солдатика, пробежавшего мимо:

— Найди Федора... Срочно — ко мне!

— Есть! — Козырнул солдатик и помчался выполнять приказ.

В землянке Семен сел на скамейку, достал из кобуры пистолет, положил перед собой на деревянный стол. Расстегнул ворот гимнастерки, нервно дернул шеей.

Вбежал запыхавшийся Федор:

— Товарищ командир, по вашему приказанию...

— ... Да, ладно тебе! — Махнул рукой Семен. Вздохнул тяжело. Помолчал. — ...Завтра утром — в наступление...

— Знаю...

— Пойдешь в заградотряде. В первой шеренге...

Федька набычился:

— Не пойду!

— Чи-иво? — Рассвирепел Семен. — Ты как командиру отвечаешь, мать твою! — Он грохнул кулаком по столу.

Федька набычился еще больше:

— Своим в спину стрелять не буду...

— Не — **своим**! А — предателям! Ежели бежать начнут! Как — врагов народа, как выродков! — Семен резко рубанул воздух рукой.

Федька угрюмо отвел взгляд в сторону:

— Понял... Разрешите идти?

— Погоди... Сядь.

Семен кивнул на деревянный табурет.

Федор сел.

— Там... пополнение в штрафроту прибыло...

Федор непонимающе смотрел на Семена.

— ...Сдается мне... Яшка твой среди них.

Федор вскочил:

— Как — Яшка?!

— Сядь! — Жестко процедил Семен. — Иди, поговори с ним... Аккуратно только... Расспроси... Если что... В общем, если нет на нем ничего... такого... дашь ему вот это! — Семен кивнул на пистолет, лежащий на столе. — Только — на завтрашний бой! Понял?

Федор закивал головой. Взял пистолет со стола, сунул за пазуху:

— Так я... пошел?

— Иди.

Оставшись один, Семен достал яблоко из кармана, хотел надкусить его, но затем, хмыкнув, засунул яблоко в кобуру...

...Возле небольшого костерчика на воткнутых в землю рогатинах сушились портянки. Рядом стояли раздолбанные кирзачи.

Протянув ладони к костру, сидел Яшка.

Федор подошел сзади и, глянув осторожно по сторонам, уже хотел было броситься к другу, как вдруг услышал, что Яков тихонько, вполголоса напевает его песню:

«Ехал казак по широкой степи...

Конь вороной вдруг споткнулся под ним...

Раз! И — другой...»

Федор не сдержавшись, сдавленно всхлипнул.

Яков оглянулся. Вскочил. Хотел что-то сказать, но Федор осторожно приложил палец к губам:

— Тссс...

— Федька... Не может быть... — Прошептал Яков, опускаясь на землю.

— Может, браток, может... — Федор, подойдя к другу, сел рядом и стал вытаскивать

из карманов — банку с тушенкой, краюху хлеба, пару луковиц, кусок сахара. — На, вот... я тут принес тебе... чего Бог послал...

— Федька! Братишка... родной! — Яшка, не отрываясь, смотрел на друга. Протянул руку, потрогал Федькин рукав. — ...Это, правда, ты?...

— Да, я! Я это! — Федор повернулся к Яшке и неловко обхватил друга. Тот уткнулся ему в плечо.

Вечернюю мглу вдруг прорезала сигнальная ракета.

— Что это? — Встревожено спросил Яшка.

— А, не обращай внимания... Фрицы полосу проверяют...

— А где они?

— Да тут! Совсем рядом! — Федор кивнул головой в сторону леса. — Там — деревенька одна... пустая... Вот они в ней и окопались. Завтра выбивать пойдем...

В небо взлетела еще одна ракета.

Где-то далеко раздался лай собаки. Потом — автоматная очередь.

Яков торопливо глотал тушенку и рассказывал Федору свою невеселую историю:

— ...Ну, значит, «брешу» я, как обычно, свои байки... Все смеются! А один, хмурый такой... не улыбнется даже! Партийный... Ну,

видать, он и настучал! ...Вызывают меня в штаб! ...Спрашивают — «говорил то-то и то-то»? Ну, а я че?! Брехать буду?! — Яшка поднял на Федора ясные глаза. — Ну, говорю, — говорил! ...Меня — под трибунал! Так, мол, и так! ...Японский шпион, в общем! Федьк, ну какой из меня — «японский шпион»? А?

— Ты... ешь давай! — Федор погладил друга по плечу и зыркнул по сторонам.

— ...В общем, дали мне пять лет... Отсидел полгода... Вызывают... Говорят: «Хочешь искупить свою вину кровью?» ...Ну, а что мне делать?! С урками сидеть?!

— Да, дела... — вздохнул Федор. — Ты в бою побывал хоть раз?

— Не-а... не успел. — Яшка виновато взглянул на Федора.

— Ладно... Я завтра в бой с заградотрядом пойду...

— Это — как?

— Ну... — Федор опустил глаза. — Мы обычно за штрафниками идем... Присматриваем за ними... если, вдруг что...

Яков непонимающе продолжал смотреть на Федора.

Тот вздохнул и нехотя пояснил:

— Ну, если струсит кто... Или — бежать вздумает...

— И что тогда?

— Что-что! ...Стреляем, разумеется! — Криво усмехнулся Федор.

— Как?? В — своих??

— Какие они «свои», Яшка?! Урки, они и есть урки! Ты же сам только что говорил!

— ...А я? — Взглянул на друга в упор Яков.

— Много ли там таких, как ты?!

— Много, Федька... Много... — Яшка опустил голову и тяжело замолчал.

— ...Ну, ладно. — Федор обнял Якова за плечи. — Давай, завтра... как-то день проживем... А в остальном — после войны разберемся... На вот тебе! — Федор полез под гимнастерку, достал пистолет, протянул его Якову. — Возьми! После боя отдашь мне. ...Чтоб никто не видел только! Завтра-то мы винтовочку тебе раздобудем! ...Я в бою за тобой держаться буду! Так что — не дрейфь, братишка... А сейчас — иди давай, покемарь хоть чуток! ...Ночи-то уже... всего два вершка осталось...

— А, можно я с тобой посижу? Как пацанами... в ночном... помнишь?

— А то! — Федор расплылся в широкой улыбке.

Яшка положил голову Федору на плечо и блаженно затих. Впервые за многие месяцы ему было хорошо и спокойно.

Федор палкой пошевелил угли в догорающем костре и вдруг шепнул тихонько:

— Слышь, Яшка!

— У... — Засыпающим голосом отозвался тот.

— А какую ты байку им рассказывал, а?

— Да, ладно тебе...

— Ну, Яшка...

Яков улыбнулся и тихонько начал:

— ...В давние-давние времена отправил некий царь гонца к царю соседних земель... Гонец запоздал и, вбежав в тронный зал, стал торопливо говорить: «Мой царь повелел мне сказать, чтобы вы дали ему лошадь с голубым хвостом! А, если не дадите, то...» «Что?» — Перебил его чужой царь: «Нет у меня такой лошади! А, если бы была, то...» Тут он запнулся, а испуганный гонец выбежал из дворца, вскочил на коня и помчался докладывать своему царю о дерзком ответе... И объявил царь соседнему государству войну... Долго длилась она — много крови было пролито, много земель опустошено — и дорого обошлась обеим сторонам... Наконец, оба царя согласились на перемирие... Когда они приступили к переговорам, один

царь спросил другого: «Что ты хотел сказать своей фразой: дай мне лошадь с голубым хвостом, а если не дашь, то...?» И ответил ему царь: «... то пошли лошадь другой масти! Вот и все! ...А что ты хотел сказать своим ответом?» «...А я хотел сказать, что — нет у меня такой лошади, а если б была, то непременно послал бы ее в подарок моему доброму соседу...»

Искры от догорающего костра взлетали вверх и гасли на лету в начинающем сереть промозглом утреннем рассвете.

Федор прикрыл Яшку полрой своей шинели и на какой-то миг ему вдруг показалось, что сидят они у костра где-то в поле... А рядом пасутся стреноженные лошади... И нет никакой войны... И это вовсе не сигнальные ракеты, а просто... звезда с неба упала...

Автоматные очереди разорвали тишину.

Яков бежал в первой шеренге штрафников и не видел перед собой ничего, кроме какой-то невнятной серой массы, неотвратимо надвигающейся на него.

«Ур-р-ра-а!» — Раздалось сзади. Это заградотряд подбадривал бегущих впереди, практически — безоружных солдат.

«А-а-а-а!» — тоже закричал Яшка и оглянулся. В нескольких шагах за ним бежал Федор с винтовкой наперевес.

Яшке сразу стало как-то веселее. Хотя, наверное, это определение не вполне подходило для данной ситуации!

Сзади раздались одиночные выстрелы.

Вдруг справа что-то просвистело, обдало Яшку жаркой волной и оглушительно ахнуло за спиной. Яшка присел от испуга.

Федор догнал его, хлопнул по плечу, что-то крикнул, побежал дальше.

Яшка ничего не слышал. Наверное, его оглушило взрывом.

Но он послушно побежал за другом. Тоже открывал рот, что-то беззвучно кричал. Потом вспомнил о пистолете. Выхватил его, стал, не целясь, стрелять куда-то...

Тишина давила на уши и все выглядело как-то нереально и совсем не страшно...

Оказывается, страх — это совсем не то, что видишь, а то — что слышишь...

Яков бежал за другом и казалось ему, что это сон и все вокруг играют в какую-то детскую игру, типа пятнашек... Вот сейчас он догонит Федьку, «запятнает» его, и друг бросится догонять уже его... Яшка улыбнулся

этим мыслям и даже побежал быстрее... Вдруг Федор как-то неловко взмахнул руками и стал валиться на бок...

Яшка успел подскочить и подставить другу плечо... но Федор медленно опускался на землю, глядя в небо остановившимися глазами...

— Федька! Феденька! — Беззвучно шептал Яков, пытаясь поднять враз отяжелевшее тело. ...Каким-то чудом он взвалил Федора на себя и поволок друга к ближайшим окопам.

Солдат из заградотряда подскочил к нему и, глянув в лицо Федора, что-то прокричал Якову, ударив его прикладом винтовки в спину.

Яков посмотрел на солдата...

И, видно, увидел солдат в его взгляде что-то **такое**... что плюнул и побежал дальше.

Яков почти уже дотащил друга и, приготовившись перевалить Федора через бруствер, встал в полный рост и тут... что-то горячее толкнуло его в спину и... — вскочили они с Федькой на вороных коней и поскакали в степь к пылающему диску заходящего солнца... И въехал Федька первый в огненное марево... И, оглянувшись, улыбнулся Якову, мол — «не дрейфь, братишка»... И смелой рукой направил Яшка коня вслед за другом...

Полковник, широкими шагами меряя землянку, во весь голос распекал Семена, стоящего перед ним навытяжку.

— Под трибунал пойдешь, твою мать... Сам в штрафбат захотел?! Какого хера ты свое именное оружие предателю отдал?! А если б он в своих стрелять стал?!

— Он — не предатель... Он моего взводного с поля боя вынес... — Поправив повязку на голове, устало произнес Семен.

— ...Живой? — Еще не остыв от ругани, хмуро спросил полковник.

Семен отрицательно покачал головой.

Полковник кивнул ординарцу:

— Запиши фамилию... Представим к награде.

— Яков Дадашев... — Повернув голову к ординарцу, сказал Семен.

— Осетин? — Спросил полковник.

— Еврей.

— ...Все равно запиши! — Полковник вздохнул. — А взводный?

— Тоже... — Угрюмо ответил Семен.

— Тоже еврей? — Подняв голову от бумаг, спросил ординарец.

— Казак... Федор Павленко...

Полковник хмыкнул:

— Первый раз слышу, чтобы еврей казака на себе тащил...

И тут Семен не выдержал.

Как будто какая-то струна лопнула в нем.

Неожиданно высоким, срывающимся фальцетом он закричал:

— Да вы!... Да они!... Да он его через все поле тащил! Они уже возле наших были! Их одной миной накрыло! У них мозги вместе смешались!...

Семен кричал и всхлипывал, вытирая рукавом гимнастерки бессильные слезы.

Полковник кивнул ординарцу:

— Налей...

Ординарец достал из тумбочки бутылку водки, налил в стакан, протянул Семену.

Тот, не глядя, взял протянутый ему стакан, выпил залпом, закашлялся. Замолчал.

Полковник устало потер виски:

— Возьми себя в руки, командир. Война только начинается, а ты уже истеришь, как баба... Еще раз впереди зеков в бой пойдешь, самого в штрафбат отправлю. Запомни! Сколько у тебя штрафников осталось?

— Нисколько...

— Т-твою мать! — Полковник с размаха ударил кулаком по бревенчатой стене. Охнул от боли, прижав кулак ко рту.

Семен молча опустил голову.

Полковник опустился на табурет. Махнул рукой:

— Ладно. Иди.

Семен повернулся к двери.

— Стой! — Полковник взглянул на пистолет, лежащий на столе. — Забирай...

Семен подошел к столу, взял пистолет. Открыл кобуру, вынул яблоко, с недоумением посмотрел на него, положил на стол.

Засунул пистолет в кобуру и вышел из землянки.

Полковник взял яблоко, повертел его в руке, посмотрел на ординарца:

— Запиши и этого...

Семен стоял у землянки, подняв голову к небу, глотал свежий весенний воздух и не понимал — в какую сторону ему идти...

Шел первый год войны.

Наше время. Россия.

Герцель гладил рукой холодный камень памятника и тихонько приговаривал:

— Прости меня, мама... сынок мой Аличек... простите меня, родные мои... ...Оморэ аун эз рафтэнигыо вахт мирав, бастэ гоф ве мельхам Худо мимуну эри имурэ э пушой Хуште зинде сохтэ...¹

Семен с букетом полевых цветов молча стоял перед гранитным обелиском с высеченными на нем фамилиями.

Их было 472.

Семен наклонился и положил цветы к подножью обелиска.

Затем отошел в сторону и присел на невысокую скамеечку под высокой раскидистой яблоней.

Через некоторое время рядом тяжело опустился Герцель.

Семен положил другу руку на плечо.

Герцель тяжело вздохнул и невесело усмехнулся:

— А помнишь, как мы всей станицей рыли этот колодец?

— Конечно, помню...

¹ Пришедшие греховные времена пройдут, праведные Слова и благодать Божья останутся, чтобы наши души возродить и приблизить к себе.

Воспоминания Семена и Герцеля.

Толпа односельчан окружила колодец и замерла в ожидании. Здесь были и еврейские мамы с детьми, и казачки с казачатами, и глубокие старики, и малые дети — все пришли поучаствовать в великом деле!

Задние напирали на тех, кто стоял ближе, не в силах смириться с нетерпеливым ожиданием:

— Ну, что там?

— Ну, как?

— Есть??

Раздавались в толпе нетерпеливые возгласы.

Кто-то из тех, кто стоял ближе всех к колодцу, повернулся и крикнул:

— Да, тихо вы! ...Сейчас достанут!

На поверхности, вынырнув откуда-то из глубин, появилось сверкающее на солнце ведро.

Судя по осторожности, с какой его принял стоящий рядом с колодцем казак, ведро было полным.

Казак сделал три глотка прямо из ведра, вытер рукавом усы, и выдохнул: «Ох, и сладкая водица, сущий мед!»

Толпа враз зашумела, заволновалась.

«И нам дайте попробовать!»

«И мне...»

«И я хочу...»

Все протягивали руки к ведру, стремясь испить первой водицы из нового колодца.

Ведро пошло по толпе, передаваемое из рук в руки.

Слышались возгласы: «О-х-х, ледяная водичка!»

«Ов — тазэ хуби, шороб — кюйнэ!»¹

«Ох, давно я такой водицы не пивал!»

«Ов рушнови хурдэ лаай!»²

«Дай Бог здоровья тому, кто эту воду достал!»

Из колодца достали второе ведро, и оно тоже пошло по рукам.

Подскакал всадник — молоденький парнишка на сером в яблоках жеребце. Подали и ему ведро... Он выпил и вдруг начал носиться на лошади, окропляя всех присутствующих водой из ведра.

Люди смеялись, и никто на парня не обижался.

Тут же, прямо возле колодца, на свежем воздухе накрыли праздничные столы.

¹ Вода хорошая — свежая, а вино — выдержанное!

² Святой водой освященный рот!

Несли из домов все, что у каждого было.

И пироги, и фрукты, и вино, и рыбу...

Когда все расселись по местам и разлили по стаканам вино, встал еврей Суруиль, муж казачки Маши, и попросил вместо вина дать ему стакан с водой.

Суруиль долго стоял с наполненным стаканом и молчал. На его выцветшей гимнастерке были приколоты два Георгиевских креста. Суруиль воевал еще в царской армии в первую мировую, и хоть время уже было советское и политика, мягко говоря, не очень-то приветствовала ношение царских орденов, но в особо торжественных случаях Суруиль упорно надевал свои заслуженные награды.

— Хори эриму — ист деде, ово-чухмэ — бэбэи...¹, а вода — это жизнь! — Дождавшись, пока все утихнут и даже дети угомонятся, промолвил Суруиль. — Родные мои! Сегодня у нас праздник! В нашу станицу пришла первая вода! Да благословит Господь сегодняшний день! Пусть служит этот колодец и усталому путнику, и всем жителям нашей станицы верой и правдой! Да не иссякнет живой источник в нем!

¹ Земля для нас — есть мать, вселенная и солнце — есть отец

*Чухме омо — пенжэрэрэ воку,
Э руй ов зэ вэ хуб-рач поку!*¹

— Ваше здоровье! Лэхаим!!! — Суруиль высоко поднял стакан с водой, посмотрел сквозь него на солнце, улыбнулся, — Эх! Чиста, как слеза ребенка... — и залпом выпил.

Следом за Суруилем поднялся Афанасий — отец Степана и дед Семена, поднял стакан с вином и громко произнес:

— А мы, казаки, пьем вино, как воду!

За столом дружно засмеялись. Раздались одобрителльные возгласы: «Ай, молодец, Афанасий!», «Верно сказал, казак!»

Афанасий же продолжил:

— ...Пусть же будет вода из этого колодца сладкой, как вино! Звонкой, как сабля казака! И чистой, как наша дружба! ...За вас, братья! — Он лихо опрокинул стакан и запел зычным голосом:

«Ехал казак по широкой степи!

Конь вороной вдруг споткнулся под ним!

Р-р-раз и др-р-ругой!

Эх, казак удалой,

Может, вернешься домой...»

¹ Солнце взошло — окно отворяй,
Лицо водой омой и хорошо вытирай!

Афанасию стали дружно подпевать и казаки, и евреи.

Казацкую песню сменила еврейская.

Затем — раздались звуки зурны и барабана.

На вытоптанную перед столами площадку вынесся стройный казак и в лихом танце пошел по кругу. На подмогу ему выскочили из-за стола еще несколько человек и — пошло веселье!

Герцель и Семка бегали тут же среди прочей детворы.

Как и все, обливались водой, тягали со стола куски... в общем, веселились, как могли!

— Герцель, детка! — позвала Герцеля его мать Истир. — Иди-ка сюда!

— Я счас! — Бросил на бегу Герцель Семке и помчался к матери.

— Возьми вот, сынок! — Протянула она сыну огромное красное яблоко.

Герцель взял яблоко и тут же протянул руку к матери:

— И — брату моему!

— Какому еще брату? — Удивилась Истир. — Эй, Арон! — Повернулась она к мужу. — Что еще за брат тут у нашего сына объявился, а? — Шутливо-грозно посмотрела на мужа.

— Не знаю... — Пожал плечами Арон. —

Какой-такой брат? Ну-ка, зови его сюда!

— Семка! — Махнул Герцель рукой другу. — Давай сюда!

Семка подбежал к столу.

Истир и Арон переглянулись.

Арон кашлянул и внимательно посмотрел на сына:

— А, почему ты называешь его братом, а, сынок?

— А мы с ним побратались и поклялись в вечной дружбе! Теперь он мне брат! Верно, Семка?

— Ну, да! — Подтвердил Семен.

— А-а-а... Понятно. Ну, ладно... Эй, Степан! — Арон посмотрел на Степана, сидящего за столом и слышавшего весь разговор. — Мы теперь с тобой родственники... Слыхал? Оказывается, наши сыновья — братья...

— Слыхал... — Угрюмо ответил Степан. Налил себе вина в стакан и залпом выпил.

Арон взял со стола и протянул сыну второе яблоко:

— Возьми, сынок! Дай — брату!... Э-э-э... погоди! А, станцуешь?

— Ага! — Глазенки Герцеля загорелись.

Он замечательно танцевал, а Арон, как любой отец, любил при случае похвастаться сыном.

«Эресса!» — подбадривая себя, Герцель понесся по кругу.

В такт его движениям все присутствующие хлопали в ладоши.

Арон горделиво поглядывал вокруг.

Семка грыз сладкое яблоко и смотрел на друга. Ему нравилось смотреть, как Герцель танцует, но сам он почему-то больше любил играть на скрипке...

Босые ноги Герцеля выделявали замысловатые коленца и носились по кругу все быстрее и быстрее.

Внезапно — маленькие босые ноги сменились крупными мужскими ступнями, тоже — босыми и тоже танцующими.

Это был Герцель, повзрослевший на десяток лет.

Он так же лихо танцевал лезгинку, но.... лица людей, которые его окружали, были угрюмы и измождены, а пальцы ног и колени танцора — сбиты в кровь об острые камни, которыми была усеяна дорога.

Колонна военнопленных молча наблюдала за своим сотоварищем, который из последних сил танцевал перед немцами, чтобы дать измученным людям хоть какую-то передышку.

— Schnell, jude! Schnell!¹— Рывкнул немец-охранник, стоящий ближе всех к танцующему.

— Я — не еврей, я — тат! — Задыхаясь, прокричал Герцель. Он знал, что евреев немцы расстреливают на месте, а ему очень... очень нужно было выжить! Перед самой войной у Герцеля родился сын — Аличек! Он даже не успел с ним побыть вдоволь...

— Welch tat? Ты есть lügner, jude!²— Прокричал немец.

— Я — тат... тат... — падая от усталости, хрипел Герцель.

— Schön! Damals — tanzen! Schnelle! Tanzen!³ — Немец повернулся к колонне. — Klatschen! Klatschen!⁴ — Он выставил ладони перед собой и показал, что надо делать.

Измученные военнопленные стали хлопать в ладоши.

Выбиваясь из последних сил, Герцель танцевал.

Вдруг небо закружилось над ним, и он рухнул в дорожную пыль.

— Erschießen!

¹ Быстрее, еврей! Быстрее!

² Какой тат? Ты есть лгун, еврей!

³ Прекрасно! Тогда — танцуй! Быстрее! Танцуй!

⁴ Хлопать! Хлопать!

«Застрели его!» — сказал один немец другому. Тот было вскинул автомат и приготовился дать очередь, но толпа военнопленных быстро сомкнулась и, подхватив Герцеля под руки, понесла его с собой, продолжив свой путь.

Немец махнул рукой и опустил автомат.

Тяжело передвигая ноги, Герцель медленно продвигался вперед. Двое военнопленных, поддерживали его с двух сторон. «Держись, браток! Держись!» — шептали они ему.

Вдруг он охнул и остановился.

И за ним остановилась вся колонна.

«Что? Что такое?»

«Не знаю... что-то сердце защемило...» — и он оглянулся назад.

— Schnell, schnell! — Прикрикнул немец и дал автоматную очередь поверх голов.

Колонна медленно двинулась вперед.

...А где-то далеко... так же медленно двигалась очень похожая колонна.

И такими же криками «schnell, jude! schnell!» подгоняли ее немцы.

И шли в этой колонне — мать Герцеля и его сынок Аличек.

И еще 470 человек. Все горские евреи села Богдановка.

Немцы и полицаи — некоторые из них были свои же, охраняли толпу, зорко следя, чтобы кто-то не выскочил из нее.

Правда, особо охранникам напрягаться не приходилось: толпа состояла из измученных стариков, женщин да малых детей, которых в большинстве своем несли на руках.

У них уже не было сил — ни сопротивляться, ни бежать...

Впрочем...

Вот одна из женщин вдруг, размахнувшись, бросила своего младенца в толпу односельчан, стоявших на обочине и провожавших евреев сочувственными взглядами.

Пожилой полицай заметил это, но тут же отвернулся, дав возможность укрыть ребенка в толпе.

Решив спасти еще хоть кого-нибудь, молодая казачка метнулась к седой еврейке и, выхватив у нее ребенка, хотела вернуться обратно, но фашистский прихвостень Егор, слывший самым лютым из полицаев, дал короткую автоматную очередь и женщина рухнула в дорожную пыль. Упавший ребенок заплакал, а идущий следом немец, наставил на него палец и «пошутил» — «паф-паф!»

Ребенок разрыдался еще больше, а немец автоматом грубо толкнул его обратно в ко-

лонну: «Zurück, jude! Schnell!»¹

...И напрасно Истир протягивала своего внука Аличка односельчанам, умоляюще глядя на них и шепча чуть слышно: «Возьмите... ради всего святого... пожалуйста... Господь отблагодарит вас...»

Люди прятали глаза и отворачивались...

Никто не хотел лежать в пыли рядом с убитой молодой казачкой...

И только одна пожилая женщина вдруг шагнула из толпы и... пошла рядом с Истир: «Прости меня, сестра... Я — с вами...» — негромко сказала она.

Полицай Егор подскочил к женщине и схватил ее за руку:

— Мама! А ты куда?

— Туда же, куда и все они. — Спокойно ответила мать Егора.

— Но... они же евреи...

— Все мы немного евреи, сынок... Иисус тоже был еврей...

— А я...? — растерянно проговорил полицай.

— А ты — Ирод! — И мать, сделав шаг из колонны, плюнула в лицо Егора.

Немец, идущий следом, увидел, что жен-

¹ Назад, еврей! Быстро!

щина из колонны плюнула в полицейского, вскинул автомат и дал короткую очередь.

Схватившись за грудь, мать Егора упала.

Егор опустился перед матерью на колени: «Мама... мама...»

Проходящие мимо евреи все, как один, поворачивали свои головы к Егору и тихо произносили: «Иуда...»

А он держал в руках материну голову с навек остановившимся взглядом и шептал: «Мама... мама...»

Когда с ним поравнялся немец, выстреливший в мать, Егор вскочил на ноги и схватил немца за автомат:

— Сука! Это же мать моя! Моя мать...

Немец, ухмыльнувшись, слегка повернул автомат и дал несколько коротких очередей прямо в грудь Егора.

Держась за сердце, Егор медленно опускался на тело матери и белыми губами шептал: «Прости... прости меня, мама...»

Два эсэсовца закинули тело Егора и его матери на подводу, ехавшую за колонной.

Люди с ужасом наблюдали за происходящим.

Стройная красивая девушка, широко открыв глаза, смотрела вслед колонне.

Молодой немец, слегка отставший от всех по весьма уважительной причине (справлял нужду в дорожную пыль на виду у толпы), застегивая ширинку, бежал за остальными.

Пораженный красотой девушки, он на мгновение застыл перед ней. Затем, словно устыдившись своего восторга, поднял ладони и резко хлопнул ее по ушам: «Ты есть отшень красивый девушка!»

Кровь хлынула из ушей девушки. Она закричала от боли.

А немец, заржав, побежал за колонной.

...В это время Герцель, бредущий в **своей** колонне,

вдруг рванулся назад и дико закричал: «Ма-ма-а-а...»

И, казалось, звук его голоса разорвал всю Вселенную...

Маленький Герцель бежал к Истир, сидящей за праздничным столом и истошно кричал:

— Мама! Мама!

Споткнувшись о камень, он чуть не упал.

Суруиль, сидящий на скамейке, подхватил Герцеля и укоризненно произнес:

— Ой, гвалт! Что так кричишь, как будто за тобой сто волков гонится? ...Будущий воин не должен кричать без причины!

— Я не хочу быть воином! Я буду танцором! — Гордо отвечивал Герцель. — ...И я к маме иду! И причина у меня — очень важная!

Ошалевший от такого натиска Суруиль развел руками:

— Ну, раз так... Иди, дорогой! — И, обратившись к старику, сидящему рядом, он добавил, — Э фем хуште норе рэфтэ раха — одоми бие гирору.¹

Старик согласно закивал головой:

— Худорэ воистгэ — чушь сохтэни!²

Герцель подбежал к матери.

Истир с улыбкой потрепала сына за волосы:

— Ну, что вы там с «братом» опять затеяли?

— Мама, нам срочно нужна лопата!

— Зачем, сынок?

— Мы с Семкой решили дерево посадить!

— Какое дерево? — Удивилась Истир.

— Понимаешь, Семка в яблоке нашел вот-

¹ Какую дорогу умом наметил человек — такую он и должен пройти.

² Если Богу будет угодно — все сбудется!

такенное семечко... Если его посадить, из него же вырастет яблоня?

— Ну, в общем-то, да...

— Понимаешь! — Возбужденно размахивая руками, стал рассказывать Герцель. — ...Мы сейчас с братом посадим семечко... Будем за ним ухаживать! Поливать его! И когда-нибудь из него вырастет огромная яблоня... Я поеду в Москву и буду там танцевать в большом ансамбле! Стану известным и прославлюсь на весь мир! А ты будешь старенькой... будешь приходить к яблоне... садиться на скамеечку и кушать яблоки!

— Чего это наша мама будет старенькой? — Шутливо возразил отец Герцеля. — Она будет всегда молодой и красивой! Правда, Истир? — Он обнял жену и что-то горячо зашептал ей на ухо.

— Ну, как тебе не стыдно, Арон? — Смутилась Истир. — При детях...

— Да они же не слышат! — Оправдывался Арон. — Возьми мою лопату, сынок! Вон она стоит... — Он указал Герцелю на тяжелую лопату, которой копал колодец.

— Пойдем, поможем детям? — Предложила Истир.

— Нет. — Твердо сказал Арон. — Гуш э кумэкий ганат гьююревоз пар зэрэ!¹

¹ Птицы мощью **своих** крыльев взлетают

Герцель поволок к колодцу тяжелую лопату.

В какой-то момент зачем-то оглянулся на мать.

Она стояла стройная и красивая в лучах закатного солнца, и вдруг большое белое облако закрыло Истир и... растаяло вместе с женщиной...

Наше время. Россия.

Семен и Герцель по-прежнему сидели на скамейке под раскидистой яблоней.

Герцель кивнул на дерево:

— Вот... Только она и осталась... Их всех живыми в колодец сбросили... Тот, другой, уже потом вырыли...

— А Егора с матерью... тоже в колодец?

Герцель кивнул:

— Да... Поэтому на памятнике 472 имени. Хотя, наших было 470... Смерть примирила Егора с евреями. Воистину — все мы немного евреи...

Зашумели, заволновались, затрепетали листья на ветках.

Как будто сказать что-то хотели...

Герцель тяжело поднялся:

— Пойдем, брат! Наверное... уже не при-

ду я сюда. — Он низко поклонился обелиску. — Прощайте, родные, и простите... Дай Бог, скоро свидимся...

Семен взглянул на друга, хотел что-то сказать, но вдруг затарахтел мотоцикл и к памятнику подъехал Малах:

— Дедушка! Дядя Семен! Ну, что же вы никому ничего не сказали?! Мы вас ищем-ищем... Потом тетя говорит: «Наверное, они к нашим пошли...» Я сразу — на мотоцикл и сюда! Садитесь, отвезу вас домой!

— Домой нам рано еще... Ты нас к камню отведи... — Герцель посмотрел на Семена. — Сядешь в коляску или хочешь — «верхом»?

— Давай, ты в коляску! Я ж все-таки помоложе буду! — Ответил Семен, садясь на мотоцикл позади Малаха

— Да, уж... В нашем возрасте один год — это целых триста шестьдесят пять дней... — невесело усмехнулся Герцель.

Малах крутанул ручку газа, и мотоцикл бодро затарахтел по проселочной дороге.

Семену опять бросились в глаза обрубки пальцев на руке Малаха.

Герцель поймал его взгляд и досадливо крикнул.

Высадив друзей у камня, Малах осторожно спросил:

— Дедушка, ну хоть к обеду вернетесь?

— Не ждите нас... Нам о многом поговорить нужно...

Мотоцикл умчался по пыльной дороге, оставив за собой длинный серый хвост.

Семен сел на траву, привалившись спиной к большому белому камню в полтора человеческих роста, и закрыл глаза.

Мальчишками они часто играли у этого камня. Потом, когда подросли, назначали свидания... Так и говорили: «У Лунного камня, под тутовым деревом!.. Придешь?» И девушки приходили. Иногда — опаздывали на свидание. И тогда парни, срывая белый тут, утоляли ожидание сладкой ягодой...

Приходил сюда и Семка с отцом. Они приносили воду из колодца и отмывали камень от пыли.

Воспоминания Семена.

Маленький Семка с отцом идут к камню.

В руках у обоих покачиваются ведра с водой, прикрытые лопухами. У отца — огромные, у Семки — гораздо меньше, но такие же — блестящие, отсвечивающие солнцем.

— Батя, а зачем мы моем этот камень? — спрашивает Семка, старательно оттирая белую поверхность.

— Ну, как же, сынок! Вы здесь играете все время, а на него вон сколько пыли ветер наносит...

— Так мы и на тех камнях играем! — Семка кивнул на камни поменьше, разбросанные по всей степи.

— Этот камень не такой, он... особенный! — Отец вздохнул и медленно провел рукой по холодной шершавой поверхности.

— Почему?

— Говорят, здесь когда-то девушка проводила казака на войну... Потом стала ждать его... А он все не возвращался и не возвращался...

— Его убили, да?

— Наверное... А девушка приходила на это место каждый вечер и смотрела в ту сторону, куда ушел казак... И однажды, когда поняла, что он уже не придет никогда, окаменела от горя...

— А почему его называют — «Лунный камень»?

— ...Ночью... когда светит полная луна, камень оживает и превращается в прекрасную девушку... Она плачет и, если увидит кого-нибудь, просит, чтобы ей вытерли слезы...

— И тогда — что? — Зачарованно прошептал Семка. — Она оживет, да?

— Не знаю... — Степан отвернулся от Семки и прикрыл ладонью глаза.

— Батя, а правду говорят еще, что здесь клад зарыт?

— Говорят...

— А, давай, откопаем?

— Не пришло еще время, сынок... Может, когда-нибудь...

— Ну, батя...

Наше время. Россия.

— Эй, брат, ты не уснул?

— А? — Семен непонимающе посмотрел на Герцеля.

— Я говорю — ты в порядке?

— Да, вроде бы... — Семен огляделся. — Че-то, сморило на солнышке...

— Да, припекает...

— А тут, кажись, деревце какое-то росло... То ли калина, то ли рябина...

— Рябина... Засохла. Дождей мало было... А поливать — не находишься...

— Надо бы посадить!

— Надо... Вот... останешься тут вместо меня и посадишь! — Герцель в упор посмотрел на Семена.

— Кто? Я??? — Семен привстал. — Ты шутишь, Герцель?

— Да, какие тут шутки! — Герцель захлопал себя по карманам. — У тебя сигарки есть?

— Бросил давно... — Семен пристально смотрел на друга. — Выкладывай, давай! Что там у тебя?

Герцель наконец нашел в кармане тоненькую пачку дамских сигарет. Сунул Семену под нос:

— Нет, ну ты полюбуйся, а?! Посмотри, чего они мне подсунули!

— А что? Нормальные сигареты...

— Нормальные, да? Нормальные?! Да, я от них еще хуже кашляю, чем от своих! Они думают, что мне доброе дело сделали! А... — Герцель размахнулся и хотел выбросить пачку, но потом передумал, махнул рукой. — Спички есть?

— И спичек нету... — Семен сконфужено развел руками. — Извини, брат.

— А... — Вдруг, вспомнив что-то, Герцель осмотрелся и засунул руку под камень, — ... у меня тут схованка была когда-то... — Пошарив под камнем, он вытащил откуда-то из глубины коробок спичек, а затем и пачку «Беломорканала». Облегченно вздохнул. — А вот вам! — Показал кукиш куда-то в сторо-

ну дома. Закурил. С наслаждением выпустил дым. — Ну, будем жить, брат!

— Обязательно будем... Только — где и как...

— А вот это один Господь знает... Да ты присядь... я тебе долго рассказывать буду.

Друзья вновь опустили на траву, и Герцель начал свой долгий рассказ.

— ...Ты знаешь, что после того, как все из нашего селения разъехались... кто куда... мы решили дома не продавать... Мало ли что! Вдруг кому-то захочется вернуться! Или хотя бы — на лето приехать, отдохнуть... — Герцель невесело вздохнул. — Пока никому не захотелось... Но жизнь... она длинная... Ченчиш эз шэфтэ рахгьо гештгэш, ахириш э дузэ рах мивэдиров!¹ Я в это верю, брат! ...И оживут еще наши дома... И мальчишки будут бегать сюда, к камню... И вода в колодце будет такая же сладкая, как в дни нашего детства... — Герцель погладил камень и глубоко затянулся папиросным дымом. — Так вот! Мы решили тогда, что в селении должен постоянно жить хотя бы один человек... Не самый старый и не самый молодой... Тот, кому дела и здоровье позволяли бы находиться здесь

¹ Сколько бы дорога не петляла, под конец выпрямится!

подолгу... Так сказать, — хранитель очага...

— Но ведь он обязательно должен быть евреем... — Осторожно проговорил Семен.

— ...Да, ты прав... Первым был Давид. Он жил здесь четыре года. Потом — Моисей... Я продержался дольше всех... жил бы еще, но... прицепилась какая-то зараза... Совсем сил не осталось, брат. ...Тара фюзюм — сухтэ ниев!¹ Увы. — Герцель развел руками и надолго замолчал.

Семен внимательно посмотрел на друга:

— Но я ведь не еврей...

— Как знать, как знать... Все мы немного евреи.

— Ты... что-то знаешь о моей матери? — Чуть слышно проговорил Семен.

— Знаю, брат. И — о матери, и — об отце...

— А... ??

— Степан — не отец тебе... Не родной отец...

— И ты все эти годы молчал?!

— Все знали... и все — молчали... Есть вещи, о которых иногда молчат всю жизнь.

— Я не понимаю!!! — Семен вскочил на ноги и стал нервно ходить перед Герцелем.

¹ Мокрые дрова не горят!

— Как ты мог?! Я... я считал тебя самым близким человеком! А ты...

— Э-э-э, погоди, брат! Не кипятись! Тэ ворущ оморэ — епинжире дегюрдэй!¹. Выслушай меня, а потом будешь судить... Сядь, пожалуйста...

Семен опустил на траву:

— Папиросу дай! — Не глядя на друга, протянул руку к Герцелю. Тот вложил ему в ладонь всю пачку. Семен взял... да и забыл зачем...

Рассказ Герцеля.

Стройная темноглазая девочка-подросток смело смотрела на вихрастого босоногого паренька-казака:

— А меня зовут Эстер! А тебя — как?

— А меня — Степка... Степан, то есть...

Паренек смущенно грязной пяткой почесал ногу. Эстер засмеялась:

— А давай, во-о-он до того дерева! Кто быстрее! — Девочка рукой показала на высокое дерево на противоположной стороне поля.

— Давай! — Согласно кивнул Степка.

¹ Дождя еще нет, а ты бурку уже накинул!

— Раз-два-три! — Скомандовала Эстер и вихрем полетела вперед.

Степка рванул за ней. Пару раз он почти догнал ее... Но к дереву Эстер все же подбежала первой и задорно сказала:

— Я быстрая! Меня еще никто не обогнал! Хочешь, будем дружить?

— Не-е... — Нерешительно протянул Степка. — Мальчишки с девчонками не дружат.

— Почему это?

— Ну... девчонки... они... в общем, плаксы!

— Ты что? — Возмутилась Эстер. — И вовсе я не плакса! Я, знаешь, какая смелая?! Я однажды ночью сама к Лунному камню ходила.

— Ночью? — Изумился Степка.

— Ну, да! ...Правда, Луны тогда не было на небе! Так... только месяц маленький... с рожками!

— С рожками? — Захохотал Степка.

— С рожками! — Тоже залилась смехом Эстер.

— Ну, ладно, давай! — Степка протянул Эстер руку.

Бабушка Эстер зашивала ее порванное платье и беззлобно ворчала себе под нос:

— Ай, что за ребенок?! Разве это — девочка? Ей надо было мальчиком родиться! Гайчирэ хуно — гье э бура поистей!¹ Как можно было умудриться так новое платье порвать! Ведь совсем новое платье, а?

— Прости, бабушка! — Эстер обняла старушку за плечи. — Это я вчера с дерева прыгнула... Наверное, зацепилась за что-то...

— С дерева прыгнула?? Послушай, духтэр, э гьер одоми — шааду дэри, оммо одоми урэ корьюре сохтэ несе гьиштэ!² Будешь так себя вести, заманит тебя Шенду и украдет!

— Ой, мама, ну что вы такое говорите?! — Укоризненно проговорил отец Эстер Яков, раскатывая на столе лепешки для мацы.

— А что?! — Упорствовала бабушка. — У нас в ауле нечистые духи так одну девушку заманили, украли, а потом... за демона замуж и выдали! ...И жила она, бедняжка, всю жизнь в подземном царстве!

С улицы донесся крик Степана: «Эстер! Эстер!»

¹ Как ножницы — все режет и режет!

² Послушай, девочка, в каждом человеке — шайтан сидит, но не каждый ему волю дает!

Старушка оживилась:

— Вот! Слышишь! Уже зовет!

— Бабушка, ну что ты! — Рассмеялась Эстер. — Какой же это Шегаду?! Это же Степка, мой друг! Папа, я пойду?

— Иди, дочка... Недолго только, хорошо? Завтра ведь праздник у тебя...

— Хорошо! — Эстер поцеловала отца и выскочила на улицу.

Бабушка посмотрела ей вслед и покачала головой:

— Э-э... Е мюгре бу — урэш сула недобу!¹

— Ой, мама! — Засмеялся Яков.

— «Ой, мама!», «Ай, мама!» Гаргаш аильгой хуштерэсипи дирэ!²

Эстер сидела на Лунном камне, окруженная детьми, и таинственным шепотом рассказывала:

— ...Особенно не хватает у Шегаду женщин! Поэтому он и старается заманить их к себе! В самые темные ночи, когда даже луна не светит... он посылает по разным местам... в разные аулы, города и станицы своих злых духов, которые принимают образы людей... Они стучатся в двери или в ворота... Хозяева

¹ Была одна бусинка, и у той дырочки не было!

² И ворона своих детей белыми видит!

открывают им, а духи заманивают их на улицу или за город... Говорят, что приехал, мол, ваш друг или знакомый и хочет вас видеть... А потом... хватают их! — Эстер повернулась и вдруг схватила девочку, сидящую ближе всех. Та — завизжала от страха. Довольная Эстер улыбнулась и продолжила. — ...И тащат к себе в пещеры!

— И там — съедают? — С ужасом спросила маленькая девочка.

— Да, нет! Наоборот! Их там кормят всякими разными кушаньями и напитками... Потом они сходят с ума и начинают служить злым духам! А некоторых женщин Шегаду выдает замуж за своих демонов...

— А как это — «сходят с ума»? — Спросил один мальчик.

— Это, когда в человека входит злой дух и человек делается «шегадуни»! — Ответил другой. — У нас прошлым летом соседка с ума сошла! Ее на Илеһ-Нови муж побил, потому что она хинкал отказалась готовить... А к ним ночью Илья-пророк пришел и его угостить было нечем! ...Она потом по улицам бегала и все кричала: «Шедим! Шедим!»¹

— А я знаю, что нужно делать, чтобы тебя духи не украли! — Торжествуя восклик-

¹ Демон! Демон!

нула Эстер.

— Что? — Все дружно повернулись к ней.

— У кого-нибудь есть нож или кинжал?

— У меня! — Степан с готовностью достал из кармана небольшой ножичек.

— Давай! — Эстер взяла нож, потрогала лезвие. — ...Теперь иди сюда!

Она повела Степана на клочок вытоптанной земли под тутовым деревом. Он послушно шел за ней. Эстер нагнулась и стала ножом по земле вести черту вокруг Степана.

— Вот! — Закончив обводить круг, девочка выпрямилась. — Теперь тебя никогда никакой злой дух не украдет!

Степан улыбнулся:

— Никогда-никогда?

— Никогда-никогда! — Улыбнулась Эстер в ответ.

«И мне так сделай!»

«И меня обведи!»

«И я тоже хочу!»

Закричали дети и побежали к Эстер.

А они стояли со Степкой, смотрели в глаза друг другу и улыбались.

Степан и Эстер ехали верхом на коне.

Одной рукой Степан держал поводья, другой придерживал Эстер, сидящую впереди него:

— Ты завтра выйдешь гулять?

— Нет. — Эстер покачала головой. — Завтра не смогу. У меня — бат-мицва...

— А что это?

— Это праздник такой.

— Да? А почему я не знаю? — Удивился Степка.

— А казаки его не отмечают. Это только у нас, у евреев, есть. У мальчиков — бар-мицва, а у девочек — бат-мицва!

— Чудно... А как его празднуют?

— Когда девочке исполняется 12 лет, а мальчику 13, то они уже считаются совсем взрослыми! Я даже замуж могу выйти! — Похвасталась Эстер.

— Замуж?? Как это?

— Ты что, не знаешь, как замуж выходят?

— Но ты же еще маленькая!

— А завтра буду большая! — Засмеялась девочка и, соскочив с коня, взялась рукой за калитку. — Будь здоров, Степка! Я послезавтра на камень приду.

Калитка захлопнулась, и Степан медленно поехал домой.

Конь уверенно шел по знакомой дороге, а Степка, улыбаясь, представлял себе картину — вот он, совсем взрослый, в бурке и папахе, и с кинжалом за поясом, везет на коне Эстер. На ней — белое платье и фата.

Эстер улыбается и, повернув голову, что-то говорит Степану...

Повзрослевший и возмужавший Степан распрягал коня у себя во дворе. Снял седло, повесил его на плетень.

— Степан! Степан! — Раздался вдруг откуда-то встревоженный девичий голос.

Степка огляделся. Никого...

За плетнем, чуть пригнувшись и поглядывая по сторонам, стояла Хана, самая близкая подруга Эстер.

Степан перегнулся через плетень:

— Ты что там делаешь, Хана?

— Тебя Эстер к камню зовет! — Взволнованно проговорила девушка. — Она там... плачет.

— Плачет???

Степан вскочил на коня и помчался в степь.

На камне, закрыв руками лицо, сидела Эстер.

Степан спрыгнул с коня и упал перед девушкой на колени:

— Ты что, Эстер? Кто посмел обидеть тебя?

Эстер подняла на него заплаканные глаза:

— Никто... К нам сегодня дядя Ашер корову привел...

— И что, глупенькая... — Степан осторожно вытер слезы с лица любимой, — ты коровы испугалась?

— Степан... это же — на свадьбу...

— На какую свадьбу? — Растерялся Степан.

— ...Через месяц свадьбу назначили...

— Чью свадьбу??? — Не понимал Степан.

— Мою... с Бенею... сыном дяди Ашера...

— Зачем? — Оцепенев, едва смог выговорить Степан.

— ...Родители нас еще в детстве обручили... Меня и не спрашивал никто...

— Но ты же... **меня** любишь!

— ...Люблю... Но против воли родителей не могу пойти...

— Но... как же... Эстер... ведь мы же... — Степан растерянно улыбался. — Мы же с тобой... Я же без тебя... дышать не смогу... —

На его глазах выступили слезы.

— Степушка... — простонала Эстер. — Мэ гъечинигэш эздэрд сухтэнум, ту э сэр мэ эдэй нефт дэкирдэ...¹

— А? — Степан с надеждой взглянул на нее.

— Прощай, Степа... Не ходи за мной. — Эстер решительно встала и, не оглядываясь, направилась к видневшимся вдалеке домам.

Степан закрыл глаза, чтобы не видеть, как она уходит.

А когда открыл, девушка уже была далеко, и только ее голубой в узорах платок остался почему-то лежать на камне.

Степан взял платок, прижал его к лицу и вдруг... начал в бешенстве разрывать на куски ни в чем не повинную ткань.

Потом очнулся...

Стал ползать на коленях, собирая лоскутки.

Некоторые из них отлетели далеко...

Степан собирал их и пытался сложить вместе — узор к узору... как было раньше.

Он складывал... а ветер, как будто смеясь над ним, вновь легко подымал и разбрасывал по степи голубые неровные лоскуты.

¹ Я и так горю, а ты на меня еще керосин льешь.

Факельная процессия, сопровождаемая звуками зурны и барабана, движется по дороге от дома Ашера к дому Якова.

Гости несут для Эстер наряды и подарки, которые приготовил Беня.

Впереди процессии идут мужчины с факелами в руках, освещающие дорогу.

За ними идет женщина с подносом на голове, на котором лежат наряды для невесты, две курицы и узелок с пшеном.

Следом за ней — идут другие женщины, несущие на головах подносы с чуреками.

Затем — зурначи и барабанщики.

Замыкает процессию танцующий и поющий народ.

Некоторые тоже несут факела.

Молодые парни с ружьями в руках время от времени палят в небо и кричат «ура»! Веселыми криками их поддерживают все остальные.

Отец Эстер Яков с братьями и друзьями широко распахнул ворота и пригласил гостей:

— Мир вам, гости дорогие! Добро пожаловать!

Один из пришедших поклонился Якову и произнес:

— Арусси хунейту мельхам гордо эри хунейту!¹

— Спасибо, дорогой! Э сий-хурмэт Худо даравош!² Заходите, гости!

Хозяева взяли у гостей факела и стали устанавливать их по периметру двора в приготовленные заранее посудыны.

Музыканты продолжали играть.

Парни палили из ружей в воздух.

Все весело танцевали.

В комнате девушки наряжали невесту.

Эстер невидящим взглядом смотрела прямо перед собой и безвольно позволяла делать все, что необходимо.

...А у себя в доме, тяжело упершись локтями в деревянные доски стола, так же бездумно смотрел перед собой Степан.

Прямо перед ним стояла бутылка самогона и стакан.

Но Степан не пил.

Мать Степана Дарья тихонько сказала мужу, не отводя глаз от сына:

— Может, не пойдём? А?

¹ Свадьба дома твоего пусть благодатной станет для дома твоего!

² Да пребывать тебе в Божьем почете!

— Нельзя... Обидятся. — Вздохнул Афанасий.

Наряженный в новую праздничную черкеску и новую рубаху Беня терпеливо ждал, пока друг пришьет ему розу к черкеске, а дед помажет лоб перегоревшим пеплом в знак траура по Иерусалиму.

Затем жених поправил кубанку на голове, кинжал на поясе и, оглядев себя в зеркале и оставшись весьма довольным внешним видом, сказал:

— Ну, что! Кто из вас желает поскакать к невесте и сообщить ей, что я уже готов?

В ту же секунду трое его друзей подхватились из-за стола, за которым сидели и, расталкивая друг друга, вылетели из дома.

Через мгновение за окном раздался озорной свист, топот копыт и звонкие крики: «Гей! Гей!».

Беня засмеялся.

Взмыленный конь влетел во двор невесты, и радостный всадник, гарцуя на коне, звонко прокричал:

— Здесь ли невеста?

— Здесь! Здесь! — Раздались дружные крики.

— Я привез ей привет от жениха! Он уже совсем готов и скоро будет!

— Ур-ра! — Опять закричали гости и стали стрелять в воздух.

Конь испуганно прят ушами и кружился на месте.

Подружки из дома вывели невесту.

Эстер поклонилась гостям.

Раздались одобрителные возгласы:

— Ох, и невеста у нас! Гюлэ хунои!

— Менгэ хуно рачи!

— Аселэ хуно мезей!¹

Старуха локтем толкнула в бок своего старика:

— Авшолом! Ты так смотришь, как будто, тебе этот мед пробовать!

Все дружно рассмеялись.

Старик подкрутил усы, посмотрел на старуху и подмигнул ей:

— А, давно ли ты такая была? А, Мэмэй?

— А я и сейчас еще ничего! — Старуха подбоченилась и пошла в пляс.

Гости расхохотались еще пуще.

— Ай, молодец, старая! Может, тоже — под балдахин, а?

¹Как цветочек
Как луна красивая
Как мед сладкая

Эстер подошла к всаднику:

— Спасибо за добрую весть, брат! — Она подала парню шелковый платок, который он тут же привязал на шею коня.

— А это — от меня! — Подруга Эстер Хана, размахнувшись, разбила яйцо об лоб коня.

Конь заржал и встал на дыбы.

Всадник уверенной рукой удержал его.

Тем двоим, которые прискакали позже, подружки Эстер вручили по живой курице и по кувшину вина.

Парни тут же начали пробовать вино, а курицы, вырвавшись из рук, стали отчаянно кудахтать и метаться по двору.

Тут подъехал и сам жених, окруженный свитой друзей.

Эстер, которую к этому времени уже завели в дом, смотрела на Беню в окно.

Она знала его с детства. Их родители дружили, ходили друг к другу в гости. Ей было три года, а Бене шесть, когда их обручили.

Беня был красивый и добрый парень, но... Эстер на его месте видела Степана...

...На середину двора с подносом в руках вышла мать Эстер — Ривка.

На подносе лежала красивая серая папаха из сверкающей каракульчи, серебряный пояс и красный шелковый платок.

Беня снял с головы папаху и встал перед Ривкой, сложив на груди руки и слегка наклонив голову.

— Э хунейту арус биево, сынок!¹ — Поклонившись Бене, произнесла Ривка.

— Спасибо, дедей. — Беня поцеловал Ривкины руки.

Отдав поднос стоящему рядом мужу, Ривка взяла каракульчевую папаху и надела на голову Бене со словами:

— Тухум хуштерэ верзинош!²

— Рузгьойту зиед гордо!³ — Ответил Беня.

— Рак-ришейту гич кем мегордо!⁴ — Сказала Ривка и опоясала Беню серебряным поясом.

— Хайфту эриту!⁵ — Ответил Беня.

— Эз аильгьо-вечегьойту шор гордош!⁶ — Произнесла Ривка и, повесив Бене на пояс шелковый платок, поцеловала жениха в лоб.

— Гьер гуре гоф-гусейту эри хостенигьо одомигьойту гордо.⁷ — Ответил Беня.

¹ В дом твой да войдет невеста, сынок!

² Да, прославить тебе род свой!

³ Да продлятся дни твои!

⁴ Да не убудет из рода твоего ни один человек!

⁵ Пусть твое пожелание тебе и будет!

⁶ Да обрести тебе радость от детей и внуков твоих!

⁷ Пусть каждое, тобой сказанное слово, станет воплощением в жизнь!

Заиграла музыка.

Молодежь стала кричать: «Гой шабаш! Гой шабаш!»

Ривка и Беня взялись за руки и стали танцевать.

Затем Ривка ушла, а старики и старухи из рода невесты начали, пританцовывая, подходить к жениху и дарить ему подарки.

Беня принимал подарки и все поглядывал на крыльцо, ожидая невесту.

Наконец, девушки вывели из дома Эстер.

Глаза Бени загорелись — он и представить себе не мог, что в наряде невесты Эстер окажется такой красивой.

Эстер не поднимала глаз на жениха и выглядела заплаканной, но... все невесты плачут перед свадьбой, и никому из гостей это не показалось странным.

Одна лишь Хана, ближайшая подруга Эстер, знала в чем, вернее — в **ком!** — причина горьких слез невесты.

Эстер и Беню подвели под балдахин — сооружение из четырех длинных палок, накрытых цицитом.

Четверо стройных юношей крепко держали эти палки.

Затем под балдахин зашли — Яков и Ашер, отцы жениха и невесты, старший брат Эстер Зэвид и раввин.

Гости окружили балдахин.

Мужчины держали в руках горящие факелы, женщины — восковые свечи.

Положив указки на страницы Торы, раввин приступил к обряду венчания.

Все время, пока длилась церемония, Эстер видела перед собой и рядом с собой Степана...

Вот они вместе скачут на лошади, и Степан бережно обнимает ее...

Вот они — собирают цветы, и Степан, неумело сплетя венок, одевает его на голову Эстер...

Вот они — бегут по степи под проливным дождем и прячутся под высоким раскидистым тутом... Эстер прижимается к шершавому стволу, и Степан наклоняется к ней...

А в небе — огромная радуга... и дождь еще идет... и солнышка лучи уже пробиваются сквозь тучи...

Эстер улыбнулась...

И счастливый Беня улыбнулся в ответ, даже не представляя себе, что улыбка эта предназначена другому...

...А Степан в эту минуту вышел на крыльцо, посмотрел тоскливо куда-то вдаль, вскочил на коня и погнал его в степь...

Туда, где совсем еще недавно был так счастлив...

...Брат Эстер вел коня, на котором сидела молодая жена, едущая в свой новый дом.

Женщины селения выбегали на дорогу и бросали на Эстер сарачинское пшено, желая ей плодородия, то есть — много детей.

Беня пока оставался под балдахином, и раввин с учениками пели ему песню:

«Адам в наряде обвенчался с Евой,
Он знаменит между мужами,
Она знаменита между женами.
Ной в наряде обвенчался с Наамой.
Авраам в наряде обвенчался с Сарой.
Исаак в наряде обвенчался с Ревеккой.
Иаков в наряде обвенчался с Лией и Рахилью.
Иосиф в наряде обвенчался с Оснатой.
Моисей в наряде обвенчался с Ципорой.
Аарон в наряде обвенчался с Элишевой.
Давид в наряде царском обвенчался с Наамой.
Бениамин, сын Ашера, в наряде обвенчался
С Эстер, дочерью Якова, —
Он знаменит между мужами
И она знаменита между женами».

...Эстер переступила через кусок железа, положенного на крыльце перед самой дверью. Это делалось для того, чтобы в доме мужа она была здорова и счастлива.

Тут же сестры Бени поднесли ей два стакана: один с медом, а другой — с маслом.

Эстер, не глядя, опустила правую руку в масло, а левую — в мед, и провела обеими руками по дверному косяку.

Мать Бени поклонилась девушке и тихо произнесла: «Входи, доченька! Теперь это и твой дом».

Эстер хотела поблагодарить женщину, но что-то сжало ей горло, и она молча переступила порог.

...Степан гнал коня по степи и кричал во весь голос: «Эстер! Эстер!...»

...Эстер молча сидела на кровати в комнате невесты.

Подруги, которые провели с ней весь вечер, ушли, и сейчас, ровно в полночь, в эту комнату должен был войти Бенья.

Дверь отворилась.

Смущенно улыбаясь, юноша подошел к Эстер и протянул руку к ее руке.

Но, едва он дотронулся до нее, девушка, как дикий зверек, отскочила от него.

Беня растерялся:

— Что ты? Не бойся... Я не сделаю тебе больно... — Он сделал шаг вперед, но Эстер выдвинула руки вперед и прошептала:

— Не подходи ко мне...

— Но... Эстер... ведь с сегодняшнего дня мы с тобой муж и жена...

Девушка отодвинулась еще дальше и сжалась в комочек.

Окончательно сконфуженный Беня сел на кровать и опустил голову.

Через некоторое время он решительно встал, расстегнул ремень и снял с себя черкеску.

Эстер испуганно смотрела на него.

Беня взял кинжал и, зажмурив глаза, резанул себе левую руку чуть выше локтя.

Эстер охнула.

Беня открыл глаза и осторожно посмотрел на рану: на руке выступила густая алая кровь.

— Помоги мне! — Морщась от боли, проговорил юноша.

Эстер мигом подскочила к нему.

— Давай платок! — Беня протянул к невесте правую руку.

Эстер выхватила из-под подушки так называемый — платок девственницы и вложила его в протянутую руку.

Девушка думала, что Беня хочет перевязать себе рану, но он смочил платок кровью и бросил на кровать.

Затем снял с пояса подаренный матерью Эстер красный шелковый платок, перевязал рану — Эстер пыталась ему помочь, но он решительно отстранил ее руку — надел черкеску, затянул ремень, поправил кинжал и, взяв с кровати платок, вышел.

Эстер осталась неподвижно стоять посреди комнаты.

Появившегося на крыльце молодого мужа гости встретили дружным гулом и возгласами:

— ...Ну, наконец!

— ...Что-то ты быстро справился!

— ...Может, ему узел завязали?! — Громко крикнул какой-то шутник и гости засмеялись.

Беня выхватил из-за спины «платок девственницы» и высоко поднял его над головой.

Раздались дружные крики «Ура!»

Шафера жениха стали палить из ружей.

Мать Эстер наклонилась к мужу и с облегчением сказала:

— Ну, слава Богу! Можно варить хашил с медом.

Музыканты играли лезгинку.

Беня танцевал зажигательный танец, но глаза его почему-то были грустны...

Наше время. Россия.

На степь опускалась ночь.

Негромко прокричала какая-то птица и умолкла.

Семен и Герцель по-прежнему сидели возле камня, и огоньки их сигарет мерцали в темноте, словно две маленькие звездочки.

— ...Ну, и что потом? — Глядя куда-то вдаль, тихо спросил Семен.

— Габель-габель сохтэ хори — ошлуг миду генеш тири! — *Взрыленная с душою земля — принесет желанные плоды.* — Пояснил Герцель. — Беня был добрым и терпеливым... А доброта рано или поздно делает свое дело. В общем, ровно через год у них родился сын. Решили назвать его Яковом. В честь отца Эстер... И этот мальчик... был ты — Семен...

— Я???

— Да... — Герцель потряс пустой папиросной коробкой, надеясь что-то вытрясти из нее, но тщетно. — Ну, вот! Как всегда... в самый неподходящий момент.

— Не понимаю! — Семен вскочил. — Тог-

да, почему я — Семен? И как я вообще попал к Степану! И, если я еврей, то почему я не обрезанный?! Что-то у тебя, дружище, концы с концами не сходятся!

— Да... И сказал Господь Аврааму: «Вот мой союз, который надлежит вам хранить! Союз между Мною и вами, меж Мной и потомством твоим после тебя: пусть обрезанным будет у вас каждый мужчина... и явится это свидетельством избранности еврейского народа...» — Задумчиво произнес Герцель.

— Слушай... давай не будем насчет избранности! Ты мне правду скажешь в конце концов?!

— А я — что делаю, по-твоему? — Спокойно посмотрел Герцель на Семена. — Ты... сядь, брат, и слушай внимательно. ...Гьертухуме — гоэиенюни.

— А? — Семен опустил на траву.

— ...Я говорю — «у каждого рода — своя родовая история»... Ты знаешь, наверное, что у евреев обрезание делают на восьмой день после рождения... тогда же и дают имя ребенку... Вот! ...Но эти восемь дней еще надо было как-то прожить...

Где-то далеко затарахтел мотоцикл.

— Ну, вот! Засиделись мы, однако! — Герцель сощурил глаза и посмотрел вдаль.

К камню подкатил Малах:

— Дедушка! — Укоризненно проговорил он. — Ночь ведь уже! Ты посмотри на небо!

— А что? Красиво... — Герцель запрокинул голову к звездам. — Давай... завтра... на свежую голову... — шепнул он Семену, садясь в коляску.

Оставляя за собой светящийся след, мотоцикл кометой понесся по степи.

Семен лежал на диване в выделенной ему просторной уютной комнате и никак не мог уснуть.

Еще бы!

Не каждый день узнаешь, что, оказывается, прожив свою жизнь по одним правилам, ты должен был играть совсем по другим...

И — если бы играть!

Жить...

В распахнутое окно светила огромная рыжая луна.

Семен смотрел на нее и... видел прекрасное женское лицо, которое ласково улыбалось ему и шептало: «Сынок... Доброй ночи, сынок...»

Семен улыбнулся в ответ и уснул.

Сон Семена.

Веселый цыганский табор идет по селу.

Широкими юбками цыганки заматают пыль на дороге и цепляются к женщинам, лущающим семечки на скамейках у ворот:

— Позолоти ручку, красавица! Погадаю! Всю правду расскажу! Ай, не пожалеешь, бриллиантовая моя!

Кто-то из женщин отмахивается беззлобно.

Кто-то соглашается и, доверчиво дав руку, внимательно слушает тараторящую цыганку: А вдруг — и правда, сбудется?

И, не жалея, вытаскивают бабы серебряные монеты из припрятанных узелков. А чё скупиться-то? Ведь совсем скоро... ух, какое богатство привалит!

Зыркнув по сторонам, цыганки прячут монеты куда-то в глубину своих бесконечных юбок и неторопливо идут выискивать следующую жертву.

Старый цыган виртуозно играет на скрипке заборную мелодию...

Молодая цыганка приплясывает под музыку.

А босоногая пацанва обступила огромного бурого медведя, которого молодой сильный цыган с серьгой в ухе держит на крепкой железной цепи.

Мишке, наверное, жарко. Он стоит на задних лапах и устало мотает головой.

Ребятня бросает ему яблоки и куски хлеба, но медведь отворачивается и рычит.

Цыган объясняет: «Он только монеты берет!»

Кто-то из пацанов кладет в протянутый цыганом картуз выпрошенную у родителей медную монетку.

Медведь кланяется и машет лапой.

Подошедший скрипач, кивнув цыгану с цепью, начинает играть лезгинку.

Медведь топает на месте и кружится.

Детвора радостно хохочет и пытается подобраться к медведю поближе. Цыган шуточно шугает их.

И только Семка, как замороженный, не отрывает глаз... нет, не от медведя! От — скрипки.

В конце концов, скрипач замечает горящие глазенки пацана и вдруг — протягивает ему инструмент: «Хочешь?»

Семка, раскрыв рот и не веря в такое чудо, кивает головой:

— Ага!

— Ну, попробуй! — Цыган бережно вложил в Семкины руки скрипку и смычок.

Закрыв зачем-то глаза, Семка стал водить смычком по струнам.

Конечно... игрой это назвать было нельзя!

Но — звуки, издаваемые смычком, были весьма и весьма мелодичными.

Цыган присел перед парнишкой на корточки:

— Ну, что? Пойдешь к нам в табор? Научу тебя на скрипке играть!

— Не... Батя не пустит... — С сожалением ответил Семка и протянул цыгану скрипку и смычок. — Спасибо...

— А, то — смотри... Цыганская жизнь — веселая! Сегодня — здесь, завтра — там! Ну, решай, казак!

Эх! Конечно, Семке очень хотелось побродить с цыганами по свету... И скрипка манила и завораживала чем-то таким... чего он сам себе не мог пока объяснить... Но...

Семен оглянулся на свой дом и замотал головой.

— Не, не могу...

— Ну, смотри... — Цыган подмигнул мальчишке, — не пожалей потом...

Скрипач провел смычком по струнам и вдруг... такая печальная мелодия полилась из-под его пальцев, что у Семки даже в груди как-то непривычно защемило.

...Цветастые юбки и яркие рубахи цыган медленно уплывали вдаль и расплывались в знойном степном мареве.

Мальчишки побежали вслед за табором.

А Семка медленно побрел домой.

В его душе происходило что-то... чего он никак не мог понять... Может, батя объяснит...

Семка зашел в дом и прислонился к дверному косяку.

Отец сидел за столом спиной к двери.

— Бать... — тихо произнес Семка.

— Чего тебе?

Отец обернулся и посмотрел на Семена.

На столе стояла начатая бутылка самогона, пустой стакан и несколько огурцов.

Семка молчал. Он знал — когда отец **так** смотрит, то лучше у него ни о чем не спрашивать...

— Ну! — Настойчиво произнес отец.

— ...А ты мне скрипку купишь? — Вдруг неожиданно для себя самого спросил Семка.

Лицо отца неожиданно побагровело. Глаза налились яростью, и он в бешенстве ударил кулаком по столу.

— Скрипку захотел?! Ах ты... гаденыш...

Степан встал и, покачиваясь, направился к сыну.

Семка испуганно вжался в дверной косяк — таким он отца еще не видел.

Подойдя к сыну, Степан вдруг... рухнул перед ним на колени и заплакал, размазывая по лицу пьяные слезы:

— Сынок... Прости меня, сынок... — он обнял сына и прижал к себе его худенькое тельце.

Семка осторожно погладил отца по голове:

— Бать, ты чего? Не надо... Не плачь, батя...

Степан, сдерживая рыдания, поднял на Семку заплаканные глаза:

— А где ты скрипку-то видел, сынок? Ты ж, поди, и не знаешь — какая она...

— Видел, батя, видел! — Заторопился Семка. — Там, — он махнул на улицу, — цыгане проходили... у них медведь был... на цепи... и один дядька... такой, с серьгой в ухе! Он мне дал на скрипке поиграть! Бать! А у меня получилось! Правда-правда... Не веришь?

— Верю, сынок, верю... — Степан неловко кулаком вытер слезы. — ...У тебя все должно получаться! Ведь ты — **мой** сын!

— Твой, батя... Так... купишь?

— Куплю... Вот те крест — куплю! — И Степан размашисто перекрестился.

Пацаны, проводив цыган, оживленно обсуждали недавнее событие.

Счастливый Семка выскочил на улицу:

— А мне батя скрипку купит!

— Ну, да? — Недоверчиво произнес кто-то из мальчишек.

— Честно! Он побожился!

— Поду-у-маешь... Тоже мне, скрипач нашелся! — С шиком сплюнув через зубы, протянул пацан постарше. — И вообще... на скрипке только жида играют!

— Так он же у нас — жид! — Поддержал его другой.

Мальчишки заржали:

— Точно, жид! Смотри, какие у него уши!

— Жид-жид! На веревочке дрожит...

Пацаны облепили Семку и стали дразниться.

Кто-то толкнул его в спину, кто-то — дернул за волосы.

Семка, как волчонок, затравленно озирался вокруг:

— Ах, вы так, да? ...Значит, так? Ладно! Сейчас я вам покажу, какой я жид... Сейчас... Сейчас...

Семка растолкал обидчиков и бросился бежать.

Вслед ему летели обидные окрики.

Семка влетел в хату и осмотрелся по сторонам.

Отец спал, привалившись боком к косяку двери и уронив голову на грудь.

Пустая бутылка стояла на столе, рядом валялся огрызок огурца.

Ремень с пристегнутой саблей лежал на лавке.

— ...Сейчас... сейчас... — дрожа от возбуждения, бормотал Семка, вытаскивая саблю из ножен, — ...значит, я жид, да? ...Ладно...

Двумя руками держа тяжелую саблю высоко над головой, Семка во весь опор неся к пацанам:

— А-а-а!!! Зарублю, гады! ...Ну! Кто сказал, что я жид?!

Мальчишки в испуге разбежались в стороны:

— Ты, что — дурной?

— Да, он — бешеный!

— Бежим, пацаны...

— А-а-а-а!!! — кричал Семка и кружился на месте, держа обеими руками саблю и рассекая острым лезвием воздух. — А-а-а-а! Гады!

Ослепительное солнце высоко в небе кружилось вместе с ним, затем вдруг ярко вспыхнуло, сделалось огромным... величиной с небо и... резко погасло.

Наше время.

Семен с Герцелем стояли в саду возле небольшой стройной рябины.

Герцель провел рукой по стволу дерева и посмотрел на Семена:

— Ну, что? А эта — годится?

Семен посмотрел на друга:

— Да, все — годятся! Ты мне лучше... про меня расскажи!

— Про тебя?... — Герцель хмыкнул. — ...Или — про Якова?

Семен угрюмо промолчал.

— Ну, ладно... Садись. Но... не обессудь, ежели чего...

Герцель тяжело опустился на скамейку.

Семен постоял возле, затем тоже сел...

Воспоминания Герцеля:

Эстер сидела на кровати с младенцем на руках и, раскачиваясь, тихонько напевала:

*Нануй, нануй, нануй,
Эри Ягублэймэ ширинэ ховой биево.
Эри Ягублэймэ эсэпэ ховой биево.¹*

Напротив, прямо под самым окном, сидел Беня и тихонько наигрывал на скрипке. Он улыбался и ласково смотрел на жену с сыном.

Эстер тоже периодически с доброй улыбкой поглядывала на него.

— Ну, что? Спит? — Кивнув на сына, шепотом спросил муж.

— Вроде да...

Беня, отложив скрипку, хотел было подойти к жене, но малыш широко распахнул глаза и захныкал.

Беня вопросительно посмотрел на Эстер.

— Поиграй еще... — шепнула она.

Беня опять взял скрипку в руки.

Услышав первые аккорды, малыш затих и опять закрыл глаза.

Эстер тихонько засмеялась:

— Тоже скрипачом будет... как и папа... Да, малыш?

Улыбаясь, Беня нежно водил смычком по струнам.

¹ Баю, баю, баю,
Для моего Якова сладких снов пошли,
Для моего Якова медовых снов пошли.

Вдруг улыбка сползла с его лица: он увидел, что Эстер напряженно смотрит в окно.

— Что там? — Встревожено спросил Беня и резко оглянулся.

Послышался треск ломающихся веток, затем — топот копыт.

Беня отложил скрипку и выскочил из комнаты.

Эстер невидящим взглядом продолжала смотреть на оконное стекло — перед ее глазами стояло бледное лицо Степана.

Степан гнал коня, не разбирая дороги, и громко стонал от невыносимой боли. Ему казалось, что кто-то... прямо в сердце... вонзил острый кинжал и... повернул его...

...Беня стоял на крыльце и напряженно всматривался в непроглядную темень.

Из дома выглянула Сара:

— Что там, сынок?

— Да, так... ничего...

Где-то невдалеке громко и надсадно завыл пес.

Сара покачала головой:

— Ох, не к добру...

— Гьерчу бисто — эз Худо гьордо!¹ . Пойдем, мама. — Беня взял мать за плечи и повел в дом.

¹ Чтобы ни было — пусть от Бога будет.

— Так-то оно так... а ты все-таки, нож в порожек воткни. — Сказала Сара и оглянулась. Ночь дышала необъяснимой тревогой.

Степан, сидя на крыльце своего дома, брусом подтачивал саблю.

Мать, проходя мимо, осторожно спросила:

— Куда-то собираешься, сынок?

— Сабля у казака всегда наготове должна быть! — Невесело усмехнувшись, произнес Степан.

К плетню подскакал Егор, приятель Степана. Привстав на стременах, он громко прокричал:

— Айда на майдан, Степан! Там агитаторы из города приехали!

— Да, ладно! — Махнул рукой Степан.

Мать Степана, подойдя к плетню, неприветливо добавила:

— Ехай, давай! Не видишь, человек делом занят!

Егора в деревне недолюбливали.

Какой-то он был... скользкий.

Если с кем разговаривал, то никогда не смотрел прямо в глаза. Собеседника это обычно раздражало, и разговор с Егором все старались побыстрее закончить. Впрочем, этому было и реальное объяснение — гово-

рили, что в детстве Егора лягнула лошадь. Он испугался, и глаза его с тех пор смотрели в разные стороны.

Ему даже прозвище дали — Косой...

В армию его, естественно, не взяли...

А побузить хотелось! Так что, если где затевалась какая драка, тут уж Егор был первым.

Егор давно уехал, а Степан все сидел на крыльце и смотрел ему вслед.

Наконец, он поднялся:

— Поеду, послушаю... Может, что дельное скажут...

— Ты... саблю-то... оставь дома... Неровен час, начнут опять бузить! — Осторожно сказала мать.

— Да, ладно... Что за казак — без сабли?!

— Отшутился Степан и сел на лошадь.

На майдане человек тридцать казаков слушали крикливого агитатора, стоящего на наспех сбитых подмостках.

Степан не стал пробираться в толпу, а остановился в тени под развесистым каштаном.

Агитатор говорил давно и даже немного охрип:

— ...И вы, хозяева этой земли!.. Этих полей!.. С утра и до ночи гнете спины, чтобы какая-то горстка иноверцев устанавливала

здесь свои правила?! Так, не будет этого! Верно, казаки?

— Не будет! — Дружным хором загудела толпа.

— ...Истребим же жидовскую заразу с нашей земли! Не допустим гибели земли русской! Вперед, казаки!

— А-а-а-а!!! — Завопила пьяная толпа и бросилась выламывать колья из близстоящих плетней.

Мужики неслись мимо Степана, и на их лицах было выражение злобной ненависти к врагу, которого только что им назвали. Наконец-то они увидели перед собой цель!

Вот сейчас... еще немного... и они уничтожат это зло...и все пойдет по-другому!

И земля станет плодороднее...

И вода придет в степь...

И даже звезды будут светить ярче, а солнце — теплее!

Вперед, казаки!

Бей жидов, спасай Россию!

Неслась оголтелая неуправляемая звериная толпа и — горе всем, кто попадался на ее пути!

Лишь один старик посреди толпы растерянно обращался к бегущим:

— Стойте, казаки! Охолоньте!... Куда вы? Мы же столько лет живем вместе... Наши дети вместе растут... Куда же вы?

Кто-то из бегущих толкнул старика, и он безвольно опустился в дорожную пыль.

Степан подъехал.

Не слезая с коня, подал руку, помог подняться.

Буркнул, отводя глаза:

— Шел бы ты домой, старый... — И медленно поехал вслед за толпой.

Во дворе Ашера женщины накрывали праздничные столы.

По закону Моисея в этот, восьмой день после рождения, сыну Эстер и Бени должны были сделать обрезание и дать имя.

Местный могель (специалист по обрезанию) сидел на почетном месте и терпеливо ждал, когда малыш будет готов к операции.

Многочисленная родня носила на столы кувшины с вином и водкой (для казаков!), вареных и жареных кур, огромные помидоры, чуреки.

Беня носился из дома во двор и обратно и обеспокоенно тормозил женщин: «... А ук-сус приготовили? Мама, а где порошок? Ой, а если он будет плакать?».

Наконец мать не выдержала:

— Слушай, сынок! Ту э гьочу данустени, гуйге хуруз «у-у-у» незеге, сабах нибу?¹ Сядь, посиди, дорогой! А?

Беня сел, но тут же опять вскочил: «Ой! Кажется, меня Эстер зовет!» — И он опять помчался в дом.

Мать с улыбкой посмотрела ему вслед.

Эстер пеленала сына и тихонько что-то напевала.

В дверном проеме возник Беня:

— Ты меня звала?

— Нет...

— Странно... Наверное, показалось... Ну, как он? — Беня на цыпочках подошел к сыну.
— Ой... Он улыбается...

— А, как же! Ведь у него сегодня — праздник! Да, Яшенька?

Эстер и Беня склонили свои головы над сыном.

¹Ты думаешь, если петух не прокукарекает, то и утро не наступит?

Беня ласково положил свою ладонь поверх ладони жены:

— Я так тебя люблю, Эстер...

— И я... — Тихо сказала Эстер.

Беня замер. Первый раз он услышал от жены слова признания.

Во дворе раздались какие-то крики, шум.

— Пойду, посмотрю — что там...

Беня вышел.

Эстер взяла сына на руки: «Правда, наш папа самый лучший? Да, сынок...»

Малыш улыбался.

Разъяренная толпа ввалилась во двор Ашера.

— Смотри, трудовой народ, как за твой счет жида пируют! — Закричал агитатор и, смахнув со стола блюдо с жареным гусем, вскочил на стол. — Смерть иноверцам!

— А-а-а-а! — Завопила толпа и ринулась крушить все, что попадалось под руку.

Ашер, выставив перед собой руки, пошел вперед:

— Тихо, тихо... Гости дорогие... Там, в доме, ребенок спит...

— Какие мы тебе — «гости»?!

— Где там твой жиденек?...

...Кимхо, подруга Эстер, вышла из дома, держа за руку своего двухлетнего сынишку, который только-только научился ходить.

Ребенок, увидев бородатого казака со сверкающим штыком, рванул свою ручонку из руки матери и радостно побежал к дяде, лопоча что-то на своем непонятном языке.

Казак, бессмысленно улыбаясь и, как будто играя в какую-то детскую игру, вдруг ловко поддел малыша на штык и вскинул вверх. Худенькое тельце обмякло в воздухе.

Кимхо, дико закричав, рванулась к сынишке, но другой казак, помоложе, успел схватить ее за платье и, нагнув к земле, стал насиловать.

Женщина кричала, вырывалась, но казак, хохоча, продолжал свое мерзкое дело.

Ашер стал было оттаскивать казака от Кимхо, но кто-то хлестанул его железным прутom и он упал.

Сара бросилась к мужу: «Аше-е-ер!».

Кончив насиловать, казак застегнул штаны и оттолкнул от себя обессиленную Кимхо, которая озиралась вокруг обезумевшим взглядом и кричала: «Шломо! Шломо, где ты, птенчик мой!».

Другой казак, пробегая мимо, ударил резко шашкой женщину прямо по горлу. Хлынула кровь, Кимхо упала.

Насиловавший в недоумении спросил:

— Зачем ты ее?

— А... Чтоб не мучилась!

— До-о-обрый! — Зло протянул казак. — Вот так за свою доброту и страдаем всю жизнь! У-у-у, суки поганые! — Схватив саблю, он рванул в дом...

Беня, успев крикнуть в комнату «беги, Эстер! беги!», закрыл своим телом дверь и, выдернув нож, который воткнул вчера в порог от нечистой силы, стал им размахивать и кричать: «Не подходи!».

Эстер, не понимая, в чем дело, схватила сына, выскочила в окно и бросилась бежать, куда глаза глядят.

Она чувствовала, что там, за спиной, происходит что-то страшное, но боялась даже оглянуться и летела, как стрела...

Она ведь очень быстро умела бегать...

Степан, как сквозь вату, слышал отдаленные крики, стоны, проклятия, которые разносились по всему селу.

Он смертельно устал от всего, что происходило последнее время с ним и — вокруг него, и единственное, что ему хотелось, это — уснуть!

Да! Заснуть и спать долго-долго... пока не

закончится и этот год... и другой... и, может быть, целое тысячелетие...

А потом... проснуться и — чтобы ничего не было!

Да! И Эстер тоже...

Степан вдруг яростно хлестнул коня, спокойно идущего размеренным шагом, и поскакал в степь.

Далеко впереди бежала прямо на огромное заходящее солнце маленькая фигурка...

В Степане внезапно вспыхнул какой-то звериный инстинкт охотника... Он еще раз ударил коня и направил его на красные языки заката...

Тяжело ударяли по рыжей пожухлой траве огромные копыта.

Нереально быстро надвигался на Степана бордовый диск солнца.

Казалось, на всей огромной земле не было больше никого, кроме этих двух крохотных фигурок на вогнутой ладони рыжей степи.

...И вот одна из них догнала другую...

Эстер услышав за собой грузный топот копыт, оглянулась и... увидела горящие глаза Степана.

Степан успел остановить взмыленного коня, вздернув его на дыбы, но... не успела

увернуться Эстер от тяжелого копыта, ударившего ее прямо в висок...

Всю свою муку, всю ярость выместил Степан на невольно виноватом коне...

Он хлестал его нагайкой, а конь метался по степи и жалобно ржал...

А потом, когда обессилевший Степан сидел возле Эстер, обхватив голову руками, пришел и, опустив морду, тоже стал рядом...

Когда стемнело, Степан саблей и руками стал подрываться под камень, возле которого это все и случилось...

Он сдирал себе ногти, плакал, но... хотел, чтобы Эстер лежала именно здесь — под **их** камнем...

Когда все было закончено, Степан притоптал землю ногами... Еще и травой забросал... Он не хотел, чтобы кто-то из села догадался, кто здесь лежит... Степан боялся, что обозленные казаки могут надругаться над могилой...

А он это место и так запомнит...

Взяв коня за уздечку, Степан медленно побрел домой.

И вдруг... какой-то странный звук остановил его внимание...

Звук доносился из свертка, выпавшего из рук Эстер.

Степан подошел к свертку и прислушался: как будто щенок скулил едва слышно...

Степан осторожно взял сверток, развернул его и... увидел — широко открытые голубые глазенки, уставившиеся на него...

Мать Степана сидела на скамейке возле дома и напряженно вглядывалась в ночную темноту.

Наконец вдали показалась узнаваемая фигура сына.

Степан подошел к матери и, зыркнув по сторонам, тихо произнес:

— Пойдем в дом...

Мать молча пошла за ним.

Войдя в хату, Степан положил сверток на стол и развернул его:

— Вот... Принимайте... — Тяжело выдохнул и устало сел на лавку.

Голенький младенец весело засучил ручками и ножками.

Мать и отец Степана склонились над ребенком.

Дарья всплеснула руками и запричитала:

— Ой, Божечки... Да шо ж с ним делать, с таким малюсеньким! Да ему ж еще титька мамкина нужна!

— Цыть, баба! — Прикрикнул на нее Афанасий и повернулся к сыну. — Где взял?

— Там... — Махнул рукой Степан куда-то в сторону.

— Жид? — Спросил Афанасий и наклонился к малышу. Стал внимательно рассматривать и вдруг резко отшатнулся: тоненькая веселая струйка ударила ему прямо в бороду. — Ах, ты... поганец этакий! ...Обоссал деда!

Дарья засмеялась:

— А, нехай дед не допытывается: жид не жид... Какая разница! Дите оно и есть дите!

— Казак будет! — Довольно сказал Афанасий, вытирая бороду. — По всему видать! ...Как зовут-то? — Опять повернулся к сыну.

Степан пожал плечами.

— Ну, тогда... — Афанасий задумался. — ...Нехай Семеном будет!

Степан поднялся с лавки:

— Семен, так Семен... Будут спрашивать... скажете, что сын это мой... Из города привез, мол... А мамка наша... померла...

Сглотнув комок в горле, он вышел из хаты.

Дарья и Афанасий молча посмотрели друг на друга.

А малыш сучил ножками и улыбался, не понимая — какая трагедия успела произойти в его только-только начавшейся жизни.

Наше время.

— Теперь понятно, почему я не обрезанный... Прости меня, брат... — Семен положил руку на плечо Герцеля.

— Это ты меня прости... что я так долго не решался рассказать тебе об этом... Несколько раз было... собирался с духом... да так и не смог... А — **как** сказать! — Рассуждая как бы сам с собой, Герцель развел руками, — ...что твой отец... человек, которого ты считал своим отцом всю жизнь, и любил, как отца... который вырастил и воспитал тебя... виноват в смерти твоей матери?.. И — **как** тебе жить с этим?! — Он виновато взглянул на Семена. — И **так** — нельзя! И **этак** — не скажешь! Мы ведь все и потом жили рядом... Как-то выжили... И в глаза друг другу опять стали смотреть... Время все лечит. — Герцель тяжело вздохнул. — А потом ты в Америку уехал...

— Теперь я понимаю, **что** он хотел сказать перед смертью... да, так и не смог... Только плакал и повторял все время: «Эстер... Эстер...». ...Все думали — он внуку зовет...

— ...Степан всю жизнь любил ее. Поэтому и дочь твою старшую попросил назвать Эстер...

— А... фотографии никакой не осталось?

— Семен с надеждой посмотрел на Герцеля.

— Может, хоть маленькая какая-нибудь?

Герцель с сожалением покачал головой:

— ...Вот что осталось! Только это... — он достал из кармана и протянул Семену маленькую шестиконечную звездочку на кожаном шнурке.

Семен осторожно взял:

— Что это?

— Ты помнишь тетю Хану, двоюродную сестру моей матери?

— Это... та, что на краю села жила? ...Мы мальчишками еще бегали за ней и пугали — «шеһадун, шеһаду! твою халу украду!»?

— Да... А она плакала все время... а потом — ходила по селу и распевала песни... змирот шабаш...

— ...Все говорили, что в нее злой дух вселился...

Герцель тяжело вздохнул и покачал головой:

— Может быть... может быть... После того, что с ней случилось... Она помогала накры-

вать праздничный стол... в тот день... во дворе Ашера... Вошла в комнату к Эстер... Та похвалилась, какой красивый подарок они приготовили для тебя... Хано взяла его в руки, чтобы получше рассмотреть... Потом... — Герцель замолчал. Собравшись с силами, продолжил. — ...Казачи изнасиловали ее и забили прутами... Она выжила... Только умом тронулась и не помнила ничего... Звездочку эту она хранила всю жизнь. Хано думала, что **это** — **ее** ребенка... После погрома у нее родилась мертвая девочка... Во время войны немцы почему-то не тронули Хану... Может, пожалели... Хотя вряд ли. Скорее — отсиделась у кого-то... Я, когда вернулся, забрал ее к себе... Перед смертью к ней вернулась память...

Семен подержал перед собой звездочку.

Прижал ее к губам.

И медленно... очень медленно... с каким-то странным выражением в глазах... продел голову в кольцо кожаного шнурка.

Герцель и Семен неспешным шагом шли по селу.

В руках у Герцеля было большое железное кольцо с множеством самых разнокалиберных ключей, надетых на него.

Подойдя к очередной калитке, Герцель поднял кольцо и стал внимательно его рассматривать:

— Ага! Вот он! — Герцель снял с кольца один из ключей и открыл им калитку.

Вместе с Семеном они вошли во двор.

Из-за угла дома к ним вышел вальяжный рыжий кот и, подойдя к Герцелю, стал мурлыча, тереться о его ногу.

Герцель погладил кота:

— Ну, что тут у тебя, порядок?

Кот поднял хвост трубой, усы его затрепетали и он вдруг тигром ринулся на воробья, неосторожно присевшего рядом.

Воробей взлетел.

Кот разочарованно, но при этом, делая вид, что ничего особенного не произошло, подошел к Герцелю и вновь стал тереться о его штанину.

Герцель засмеялся:

— А-а-а... Что, дорогой? Епираги — хорок пир Агай?¹ Да? Ай-яй-яй... Совсем старый стал... Пора тебе ко мне переселяться!

Кот фыркнул и отошел в сторону.

— Ну, посмотри на него, а! — Возмутился Герцель. — Совсем как Шмуэль... хозяин его. Помнишь Шмуэля, Сема?

Семен смутно помнил портного Шмуэля, обшивавшего всю деревню.

¹ Голубцы — еда старого Ага.

— ...Тот, бывало, тоже! Пришьет разные пуговицы к рубаше... и — ни за что не признается, что недоглядел... Говорит — «Ты, что, бирор! Это же нынче мода такая! Весь Нальчик так ходит!» ...В позапрошлом году Шмуэль умер. В Тель-Авиве... Там сейчас два сына его живут — Давид и Адав, и дочь — Ривка... красивая девочка была... — Герцель улыбнулся каким-то своим воспоминаниям. — ...Ну, ладно. Смотри сюда... — Он внимательно оглядел двор. — Вроде, порядок... Здесь я только цветы поливаю на клумбе... и в доме раз в месяц пыль вытираю... Да, ее там и нету особенно... Ну и этого... рыжего кормлю! Где он? Кыс-кыс! — Позвал Герцель, и кот опять подошел к его ногам. — Забирал к себе... так он поживет день-другой и опять сюда сбегает! Животное... а понимает, что дом есть дом! Н-да... Заходить будем?

— Да, ладно, разберусь как-нибудь! — Махнул рукой Семен. — Пойдем дальше! Нам сколько еще сегодня обойти нужно?

Герцель посчитал ключи на железном кольце:

— Семь домов осталось... Давай, в соседний зайдем и на сегодня хватит!

— Как скажешь! — Согласился Семен.

Выходя со двора, Герцель оглянулся на кота:

— Рыжий! Не скучай... Я тебе вечером рыбки принесу! С праздничного стола! — И он подмигнул Семену. — Не боишься?

— Да... волнуюсь немного... Как-то все так необычно повернулось... — Признался Семен. — Жил себе, жил... и вдруг...

— Да, уж... — Покачал головой Герцель. — Ов дерьегъ — сур бире...¹

Они подошли к добротному кирпичному дому.

— А здесь Залимхан жил... Не помнишь? Чеченец... Сын его потом в Гудермес уехал... Внук уже там родился...

— Это те, кого Сталин в Сибирь высылал?

— Да разве их одних?! И — чеченцев, и балкарцев, и карачаевцев, и ингушей... Всем тогда досталось... Мы ведь здесь как одна семья жили.

На этой улице ударят кого, а на той — «ой!» кричат... — Герцель невесело улыбнулся.

— Может, поэтому... у многих на Кавказе в мусульманском месяце ваша звезда... — Семен неловко закашлялся и тут же поправился — **наша** звезда Давида...

— Да... На могилах только и осталась... — Герцель обнял Семена за плечи и окинул

¹ Вода в море солона бывает.

взглядом большие светлые окна. — Ничего, братья, мы вам **тогда** дома сберегли — иголки не пропало — сбережем и сейчас!

Они зашли за угол дома.

Там, по всему периметру забора, были высажены кусты смородины. Герцель сорвал крупную ягоду, раскусил. Сорвал еще, дал Семену. Тот взял.

— Я в прошлом году здесь смородину посадил... Уже урожай можно собирать... Может, вернутся когда... Будут варенье варить...

Дочери Герцеля Хая и Кимхо накрывали праздничный стол под тенистыми деревьями в саду.

Огненно-рыжий петух бродил в самом дальнем углу двора, делая вид, что разыскивает червячков в траве, но сам — так, на всякий случай! — зорко поглядывал по сторонам.

Герцель из погреба носил на стол бутылки с вином.

Суруиль мотался из дома к своей машине, стоявшей у калитки, и обратно.

В руках у него все время были какие-то медицинские инструменты.

Впрочем, в очередной раз он побежал к дому с огромным гаечным ключом.

Бесцельно бродивший по двору Семен не выдержал и подошел к Герцелю.

— Ну, как ты? — На ходу спросил тот.

— Слушай, брат... — Семен бросил зоркий взгляд по сторонам, неловко кашлянул и наклонился к уху Герцеля, — а это... не очень больно?

— Думаешь, я помню?! — Герцель похлопал Семена по плечу. — Да, ты не переживай! Суруиль сделает все наилучшим образом! Даром он, что ли — главный стоматолог области! Это тебе не хухры-мухры! — Герцель торжественно поднял вверх указательный палец. — Всей Тюменской области!

— Стоматолог? — Изумленно спросил Семен.

— Слушай, дорогой, ну где я тебе могла найду, а? Тут на всю округу единственный фельдшер... и то — ветеринарный! Хочешь, пригласим?

— Нет. Ветеринара не надо... — Обреченно сказал Семен.

— Ну, вот и хорошо! Ладно, я побежал... Да, не дрейфь ты... И Машенька, если что... под дверью постоит...

— А она — кто? — На всякий случай спросил Семен.

— Гинеколог... — Прыснул Герцель и нырнул в погреб за очередной бутылкой.

Озадаченный Семен остался стоять посреди двора, где его и застиг торжественный крик Суруиля.

Тот стоял на крыльце в медицинском белом халате и, подняв обе руки в резиновых перчатках, громко провозглашал:

— Я готов! ...Дядя Семен, а — вы?

Больше всего на свете Семену хотелось сейчас спрятаться куда-нибудь или стать невидимкой...

Подошедший Герцель подтолкнул его в спину и тихонько сказал:

— Ну, с Богом! Да, не бойся ты... — шепнул он на ухо, — Суруиль много таких операций делал... Ну, вперед...

Семен посмотрел вокруг — увидел улыбающиеся лица.

Улыбнулся сам и сделал шаг вперед.

Навстречу новой жизни.

Огненный петух, обрадованный тем, что опасность, кажется, миновала, и сегодня хозяину не до него, взлетел на забор и во весь голос звонко пропел свою победную петушиную песнь.

Герцель погрозил ему пальцем:

— Смотри мне! Веди себя прилично... Ты здесь моим заместителем остаешься! Понял?

Петух на всякий случай, выдал еще пару «ку-ка-ре-ку»...

А что ему оставалось делать?!...

Герцель окинул взглядом накрытый стол — стеклянные кувшины с горящим на солнце рубиновым вином... крупные гроздья винограда, покрытые легкой дымкой фиолетовой изморози... аппетитные чуреки с поджаристой корочкой... здоровенные шматы жареного гусяного мяса со стекающими каплями янтарного жира... огромные розовые, готовые вот-вот лопнуть от спелости, помидоры...

Ах, как был похож этот сегодняшний праздничный стол на тот... давний...

Только люди во дворе были другие...

И тот... кому делали сейчас обрезание, был не младенцем восьми дней от роду, а — стариком... восьмидесяти с лишним лет... прожившим долгую и трудную жизнь...

На крыльце появился широко улыбающийся Суруиль и громко произнес:

— Дело сделано! Вжарьте туш, маэстро!

Следом за ним на инвалидной коляске торжественно выкатили Семена.

Он был слегка бледен, но тоже улыбался.

Женщины за столом заулыбались и стали тихонько перешептываться:

— Ай, бедный! Он теперь дня три ходить не сможет...

— А откуда коляска взялась?

— Так это ж гости из соседнего села привезли!

— Хорошо, что их пригласили! Как раз десять мужчин за столом собрались... Как положено!

Широко раскинув руки, Герцель направился к Семену.

Подойдя к другу, он крепко обнял его и громко сказал:

— Ну, здравствуй... Яков!

Семен... вот так, в одночасье, ставший Яковым, прижался к плечу друга и... не смог сдержать рыданий...

Казалось, слезы, накопившиеся в нем за всю его жизнь, наконец-то нашли выход...

Женщины, не стесняясь, тоже всхлипнули.

Да и мужчины стали украдкой вытирать глаза.

Когда же все уселись за стол, Герцель положил обе руки на большой круглый хлеб и произнес:

— «Благословен Ты, Господь Бог наш. Царь Вселенной, выращивающий хлеб из земли»...

Затем он отрезал от каравая кусок и подал Якову.

Малах разлил по бокалам густое яркое вино.

Все притихли и с ожиданием смотрели на Герцеля.

Герцель поднял свой бокал, сделал глубокий вдох и, улыбнувшись, взглянул на Якова:

— Брат... Сегодня у тебя большой праздник! Ты получил нерушимую связь с Творцом и обрел имя, которое когда-то хотели дать тебе родители... Будь же счастлив, Яков! Пусть дни твои станут радостными, а жизнь — долгой! И, как положено, первый тост я хочу поднять за родителей... — Герцель посмотрел на каждого, кто сидел за столом, — ...за мать Якова — Эстер, за отца — Бениамина и... за отца — Степана... Хорошего сына они родили и воспитали... А? — Герцель улыбнулся и оглядел присутствующих.

За столом раздался дружный хор голосов:

— Ай, хорошего!

— Замечательного!

— Будь счастлив, Яков!

— Дядя Яков, будьте здоровы!

Яков едва успевал благодарить за пожелания и чокаться своим бокалом с другими.

Когда все выпили и закусили, Герцель подозвал Малаха и что-то шепнул ему на ухо. Тот кивнул и скрылся в доме.

Затем, появившись на крыльце, сделал знак рукой.

Герцель встал:

— А теперь... я буду танцевать для своего лучшего друга!

Зазвучали звуки лезгинки, и Герцель неожиданно легко пошел по кругу.

Плечи его распрямились...

Голова горделиво вскинулась...

Глаза засверкали озорными искрами.

Женщины начали хлопать в ладоши, а мужчины встали поближе к кругу, чтобы сменить танцора, когда он устанет.

Но Герцель, сбросивший не один десяток лет, все ходил и ходил по кругу...

А Яков смотрел, не отрываясь, на друга и видел его то — босоногим пацаном, выплясывающем перед односельчанами на празднике первой воды, то — молодым парнем,

танцующим на своей свадьбе, то — изможгорела ненависть, но он танцевал перед немцами, чтобы отстоять свое право на жизнь...

И вдруг, несмотря на кажущуюся легкость, Яков уловил в глазах друга... такую печаль... что в то же мгновение понял — Герцель прощается с ним...

И сердце сжалось от невыносимой тоски...

На следующий день гости и Герцель уезжали из села.

Яков оставался один.

Суруиля и Машу утром проводили в аэропорт, а сейчас собирали свои вещи дочери Герцеля, Кимхо и Хая, и Малах. Такси уже стояло у калитки.

Герцель и Яков сидели на крылечке.

— Ну, что? Закурим «на посошок»?

Герцель вытащил из кармана пачку папирос и протянул Якову.

Тот, поколебавшись, все же взял.

Малах, пробегая мимо, укоризненно покачал головой:

— Дедушка! Тебе же нельзя!

— Да, ладно! — Махнул рукой Герцель. —

Э ов батмиш бирейм, дие ворущ э иму кор нисоху!¹ Верно, брат? ...Там-то уж точно не дадут! — Он кивнул головой куда-то вбок.

— Ты как думаешь? Надолго — в Израиль? — Затянувшись, спросил Яков.

— Да, чего мне там сидеть?! ...Операцию сделаю... Оклемаюсь... И — сюда! Будем тут вдвоем с тобой хозяйничать... Зимой-то работы не много... А весна придет... У-у-у... Деревья обкопать надо! Во дворах убрать. Посадить... где — чего... Поливать потом! Одной воды только в день — ведер двадцать надо! А, когда и больше! Так что скучать тебе особо не придется, Яков!

Яков вздрогнул и тут же усмехнулся.

— Ты чего? — Герцель удивленно посмотрел на него.

— Да... привыкнуть никак не могу...

— Ничего, привыкнешь!

— Знаешь, Герцель... Мне сейчас кажется, что я прожил... да, уже почти — прожил...

— Яков опять усмехнулся, — какую-то чужую жизнь... Я все время брал — **не свое**, а с боем — отбивал **чужое**... Меня отец учил: сынок, в жизни за все нужно бороться! ...И я боролся. Дрался, как мог... Зубами выгры-

¹ В воде утонули, дождь нам теперь беды не причинит.

зал... И только сейчас начинаю жить **своею** жизнь... А ее так мало осталось...

— Не говори так, брат. — Герцель положил свою ладонь на ладонь Якова. — Божий промысел никто знать не может... Только Он знает — кому и какие испытания необходимо пройти... Ты шел по своей дороге! Просто... она оказалась более извилистой... Но, знаешь, говорят — сколько дороге не петлять, все равно когда-нибудь выпрямится...

— Дедушка! Пора ехать.

Малах с кожаным портфелем в руках стоял у калитки.

Герцель обнял Якова.

Друзья замерли.

Подошли Кимхо и Хая. Тоже обнялись с Яковым. Сказали какие-то торопливые слова. Вытерли слезы. Малах крепко пожал Якову руку.

Такси уехало.

Наступила звенящая абсолютная тишина. Даже птицы, казалось, умолкли.

Яков огляделся вокруг. Увидел кольцо с ключами, висящее на сучке яблони. Снял его. Потряс. Ключи зазвенели...

— Ну, что? За работу! — Сказал Яков сам себе и вышел за калитку.

Тут же, откуда ни возьмись, появился рыжий кот и, подняв хвост трубой, увязался за Яковом.

— А... старый знакомый! — Обрадовался Яков. — Ну, пойдем! Будем вместе обход делать!

Вдвоем с котом они подошли к желтой деревянной калитке с резными узорами.

Яков толкнул калитку и вдруг — очутился в сказке.

Аккуратный деревянный домик по углам был украшен диковинными фигурами.

Здесь была и русалка с длинным хвостом...

И деревянное улыбающееся солнце...

И серебристые звезды с металлическими лучами...

Возле крыльца стоял большой, сделанный из дерева, кухонный полovníк в полтора человеческих роста. На его «голове» был повязан женский платок...

Яков улыбнулся. Он вспомнил, как весной, перед праздником Пятидесятницы, девушки одевали таким же, только, конечно, гораздо меньшим, полovníкам — маленькие детские платица и ходили с этими чучелами по домам, собирая подарки... Хозяин дома обязательно должен был окатить водой и чучело,

и девушек, которые хохотали и распевали хором песню:

«Гогил-Гогил, гун герек!

Тангала бизге ун герек.

Турсене, гелин, турсене,

Сени кардаш бочи учун

Гогил пойну берсене!»¹

Яков провел рукой по платку — он был уже слегка запыленным.

Яков снял его, сложил вчетверо и со словами: «Давай-ка, невеста, простирну тебе, что ли, твою накидку! А то совсем она у тебя запылилась...».

Кот мурлыкнул у ног, одоббив решение.

— И ты такого же мнения? — Яков засмеялся. — Ну, вот и замечательно... Так... — Он внимательно осмотрел двор. — Здесь пока порядок... Пойдем дальше?

И они с котом направились к следующему дому.

Перед массивными железными воротами

¹ Гогил-Гогил, нам солнце нужно!
Завтра нам мука нужна!
Встань, хозяйка, встань,
Ради братьев своих
Отдай нам долю Гогиля!

Яков в нерешительности остановился. С этим местом у него были связаны неприятные воспоминания.

Кот удивленно посмотрел на него и первым прошел во двор.

— ...Да, знаю, что надо... — Вдохнул Яков и шагнул следом.

Двор был просторный и уютный.

Заасфальтированные дорожки.

Клумба с желтыми розами... Герцель сказал, что на зиму их нужно закрывать стеклянными банками... Вон они, эти банки, стоят на веранде.

За летней кухней возвышалась пустая голубятня.

Голубей там, конечно, уже давно не было...

Уехали хозяева.

Улетели и голуби.

А, может, — с собой забрали? Герцель говорил, что хозяева этого дома уехали в Москву. Интересно, в Москве еще держат голубей?

И вдруг... из-за сарая донеслось нежное воркованье.

Кот сразу наострил уши.

— Не смей! — строго погрозил ему пальцем Яков и осторожно зашел за сарай...

На земле под голубятней ходили два ослепительно белых голубя.

Вернее — голубь и голубка. Потому что тот, который **он**, бочком кружился вокруг **нее** и что-то приговаривал на своем птичьем языке. А она — снисходительно позволяя себя обхаживать — горделиво поглядывала вокруг.

— Ах, вы мои хорошие... Умницы мои! — Тихонько прошептал Яков. — Да... как же вы так решились? И — откуда вы залетели... Ну, ничего... Я вам обустрою гнездышко...

Он подумал, что надо нагреть воды и отмыть голубятню. А голубям пока принести зерна и хлебных крошек, чтобы они привыкали к дому.

В это время рыжий разбойник попытался-таки подкрасться к птицам и, увидев это, Яков шикнул на него:

— Брысь, негодник!

Голуби испуганно взлетели.

Белое перышко плавно закружилось в воздухе и опустилось на плечо Якову.

И — вихрем воспоминания нахлынули на него. Воспоминания Якова... когда он еще был Семеном.

Птичий пух и белые перья летали по всему двору.

Белобрысый красноармеец шашкой вспарывал огромные подушки в цветастых наволочках и раздраженно отбрасывал их в сторону.

— Ну что? — К красноармейцу подошел молодой Семен в военной форме.

— Пока — ничего!

— Приведите его! — Бросил Семен двум красноармейцам, вышедшим из дома.

Раздались женские крики и вскоре красноармейцы выволокли на крыльцо борода-того еврея в одних белых подштанниках.

— Ну! — Подойдя к нему вплотную, спросил Семен. — Где золото спрятал, жидовская морда?

Еврей молчал, только сплюнул в сторону, с презрением глядя на Семена.

Семен схватил его за бороду и затряс:

— Говори, сволочь! Стране танки нужны! Немцы наступают!

— Так вам и надо, антихристам!

— Ах ты, мразь! — Семен размахнулся и ударил старика.

— Нашел! — Вдруг закричал выскочивший из-за угла дома красноармеец. — Он его в бане спрятал, товарищ комиссар!

Старик взвыл и рванулся из рук красноармейцев, но те крепко держали его.

Семен открыл шкатулку, которую ему принес красноармеец. В ней лежали — серебряные монеты, золотые кольца, коралловые бусы, монисто...

— Ироды! Будьте вы прокляты! ...Сонечкино приданое... Сонечки моей... — Причитал старик.

— В расход! — Не глядя на него, бросил Семен.

Красноармейцы уволокли старика за дом. Раздался выстрел.

В доме дико закричали женщины.

Семен закурил и, бросив спичку, вышел со двора.

Спичка попала на белый пух, моментально взметнувшийся нервными языками оранжевого пламени...

Наше время.

Фитиль керосиновой лампы вспыхнул ярким огнем, освещая вокруг себя небольшое пространство.

В погасшем экране монитора отражался пляшущий огонек.

Яков сидел за столом с шариковой ручкой в руке.

Какое-то время он задумчиво смотрел прямо перед собой, затем вздохнул и склонился к бумаге.

Металлический стерженок ручки быстро забегал по белому листу.

Зазвучал голос Якова:

«Здравствуйте, мои дорогие Герцель, Малах, Хая, Кимхо, Сара и маленький Арончик! ...Начинал вам писать на компьютере, но опять отключили свет... Последнее время отключают часто. Вот я и решил — по старинке... так надежнее... Правда, пальцы уже разучились держать ручку... Зима в этом году выдалась снежная! По утрам хожу расчищать дорожки...»

...На широкой деревянной лавке, свернувшись в клубочек и закрыв лапой нос, дремал рыжий кот.

В ночное стекло ударялись голубые снежинки...

Яков в зимнем полушубке и меховой шапке расчищал дорожку к голубятне.

Возле голубятни на высоте полутора метров от земли стояла большая деревянная кормушка, на которой синички подбирали остатки зернышек.

Добравшись до кормушки, Яков остановился и вынул из кармана пакет с зерном.

Синички предусмотрительно отлетели... Но, впрочем, совсем недалеко.

Яков высыпал на кормушку зерно вперемешку с маленькими крупинками ярко-желтого пшена и кивнул синичкам:

— Давайте, поживитесь! Пока старшие не нагрянули...

Синички с готовностью вернулись обратно.

Дочистив дорожку, Яков оглянулся: синички склевали все пшено и теперь весело обсуждали свои птичьи вопросы.

Яков всунул два пальца в рот и засвистел долгим переливистым свистом.

Из окошка голубятни стали выпархивать голуби и взмывать в небо.

Один, другой, третий... пятый... седьмой...

Сливаясь с низко-висящими серо-голубыми зимними облаками, птицы медленно кружились в причудливом танце.

Здрав голову, Яков с любовью смотрел на них.

От неловкого движения шапка свалилась с него и упала на снег.

И тут же... другая шапка... упала на другой снег... слетев с головы Семена...

Воспоминания Якова... когда он еще был Семеном.

Охранник с винтовкой за спиной, размахнувшись, изо всей силы заехал Семену в скулу.

Шапка слетела с головы Семена и упала в снег.

Охранник рванул винтовку с плеча и наставил на Семена:

— Саботажничать вздумал, сука! ...Пристрелю на месте!.. Ну, быстро за работу! Кому сказал!

Бросив угрюмый взгляд на охранника, Семен поднял шапку, отряхнул с нее снег и, нахлобучив на голову, направился к бензопиле.

Напарник Семена, плюгавенький мужичонка в больших, явно не по размеру, валенках и надвинутой на лоб и завязанной на подбородке заячьей шапке, не глядя на Семена, подрубал топором толстый ствол высокой корабельной сосны.

Семен дернул веревку стартера, и пила завизжала нервным противным визгом.

Желтая деревянная пыль вылетала из-под острых зубьев.

Охранник сидел на стволе поваленного дерева и курил папиросу. Винтовка лежала рядом.

Мужичонка, подобравшись к Семену сбоку, процедил сквозь сжатые зубы:

— Слышь... давай это... сосну чуть вбок направь... — Скосив глаза, он указал на охранника. — ...А сами — в тайгу... И — поминай, как звали.

— Руби давай... — мрачно ответил ему Семен.

— Ну, ты, козел, комиссар! Ты за советскую власть всю жизнь глотку драл, а она... вон как тебя отблагодарила! — не унимался мужичок.

— Ты, падла, советскую власть не трожь! Она тут не при чем!

— Не при чем, да? Не при чем?! — Вдруг взъерепенился мужичок. — Ты посмотри, сколько народа по лагерям сидит!

— Правильно сидят... Враги потому что...

— Пол-России враги?!

Семен промолчал.

Вдвоем они навалились на сосну.

Дерево покачнулось и с хрустом повалилось на землю.

Мужик сплюнул и пошел к следующей сосне.

Вечером Семен лежал на деревянных нарах и, заложив руки за голову, думал.

Он вспомнил, как пришлось ему несколько лет назад командовать расстрелом троих человек.

И были эти трое — мулла, раввин и священник.

Воспоминания Семена.

В черном кожаном плаще быстрым шагом Семен шел по узкому коридору, освещенному тусклым светом.

Следом за ним торопливо вышагивал молоденький красноармеец.

Чуть повернув голову назад, Семен громко говорил красноармейцу:

— Немцы в трех километрах от города...
Надо срочно очистить камеры! ...Здесь — кто?
— Остановившись у металлической двери, спросил Семен.

— Урки, товарищ командир. Кражи, драки, изнасилование...

— В штрафбат! — Отрывисто бросил Семен.

— ...Здесь? — они остановились у следующей двери.

— Муж убил жену и любовника...

— На передовую! Пусть там воюет!
...Здесь?

— Здесь эти... В общем, наш... еврейский и мусульманский священники...

— А они — за что?

— Мусульманский... он это... большевиков ругал... А эти двое... говорили, что воевать не надо, мол, нам и так Бог поможет...

— К стенке!

— Товарищ командир... может, это... только — мусульманского?

— В расход! Я сказал... — Рассвирепел Семен. — Немцы под городом! А ты слюни распускаешь! Или что? Тоже на своего Бога надеешься?

Красноармеец опустил голову.

В тюремном дворе у серой кирпичной стены с выбоинами от пуль, стояли — мулла, раввин и священник.

Напротив — трое красноармейцев с винтовками.

— Ну, и за что же ты ненавидишь большевиков? — Спросил Семен у муллы, который стоял крайним.

— Как я могу ненавидеть человека, который упал в колодец?! — Мулла пожал плечами. — У меня есть только одно желание — помочь ему выбраться оттуда...

— Ну-ну... помогай... — Семен прошел дальше и остановился возле православного священника в длинной рясе. — А где **твой** Бог, а? Почему я не вижу его?

— Ты можешь видеть только то, во что веришь, сын мой. ...Мне искренне жаль тебя...

— Пожалей лучше себя! — Бросил ему Семен. — ...А ты, что — улыбаешься?! Радуетесь, что немцы в город входят, жидовская морда?

Раввин действительно улыбался и без всякого страха, как, впрочем, и те двое, смотрел на Семена:

— Если ты имеешь три минуты, я смогу рассказать тебе одну историю...

Семен посмотрел на часы:

— Я-то имею... А вот в твоём распоряжении — две минуты и не секундой больше! Если успеешь...

— Постараюсь... — Усмехнулся раввин. — ...Однажды молодой человек спросил старого раввина: я слышал, что в старые золотые времена люди, бывало, видели Бога своими собственными глазами... Они даже встречались с Богом... Он ходил по земле и называл людей по именам... Бог был очень близко... Что же случилось теперь? Почему мы не можем видеть Его? Куда Он ушел? Почему Он

забыл землю? Почему Он больше не поддерживает за руку людей, спотыкающихся во тьме? Ведь раньше Он делал это... Старый раввин посмотрел на ученика и сказал: «Сын мой...

В небе загудели самолеты.

Семен посмотрел вверх и опустил взгляд на раввина:

— Твое время истекло, старик... Кончай их! — Бросил он красноармейцу и быстрым шагом вышел со двора.

Семен не видел, как красноармеец подошел к священнослужителям и, завязывая им глаза, незаметно прошептал раввину на ухо:

— ...И что он ему ответил, святой отец?

И раввин, наклонив голову, чтобы невысокому красноармейцу было удобно надеть на него повязку, так же тихо проговорил в ответ:

— Он сказал ему: «Сын мой... Господь Бог наш и сейчас там, где был... но люди забыли, как низко нужно склониться, чтобы увидеть его...».

Один из красноармейцев поднял руку:

— Внимание... Приготовиться!

Красноармейцы вскинули винтовки.

Раввин тихим голосом твердо проговорил:

— Шма Исраэль адунай элоэynu — адунах эхад!¹

И вдруг — мулла и священник, с разных сторон нащупав его ладони, крепко сжали их...

Прозвучал залп...

Три тела медленно опустились на землю.

Один из красноармейцев внимательно осмотрел убитых и, увидев на шее православного священника массивную серебряную цепь с крестом, стал через голову стягивать ее.

Тот, невысокий, разговаривавший мгновение назад с раввином, подошел и уперся дулом винтовки мародеру в бок:

— Не трожь!

— Да, ты че? ...Ему без надобности уже!
— Хохотнул цинично.

— Отойди, говорю! А то — стрельну...

— Да, ладно! — Отмахнулся красноармеец и продолжил свое дело.

Невысокий изо всей силы толкнул его винтовкой и проговорил звенящим шепотом:

— Ей-Богу, стрельну!

Мародер заглянул в его глаза и, поняв, что тот действительно готов спустить курок, чертыхнувшись, оставил тело в покое:

— Да, хрен с тобой, придурок!

¹ Слушай, Израиль, господь Бог — один!

Наше время.

Железная цепь гроыхнула и, чуть подрагивая, пошла вниз.

Белое металлическое ведро, блеснув на солнце, гулко упало в глубину колодца.

Яков наклонился и посмотрел вниз — там что-то светилось... Он улыбнулся.

Когда-то давно бабушка Дарья рассказывала ему, что если в полдень заглянуть в колодец, то можно увидеть звезду...

Но сколько маленький Семка ни всматривался в таинственные глубины, звезду он тогда так и не увидел...

Бабушка улыбалась, гладила его по голове и ласково говорила: «Ничего, сынок! Увидишь еще... Придет твой час...»

Осторожно накручивая цепь на ворот, Яков медленно поднимал ведро с водой.

...Бабушка говорила, что, если кому удастся достать полуденную звезду из колодца, то будет этот человек счастлив и богат безмерно...

Стараясь не задеть плавающий сверкающий блик (а вдруг — это и есть та, обещанная звезда?!) Яков отпил из ведра и, перелив воду в стоящее рядом с колодцем пустое ведро, достал еще одно.

С двумя полными ведрами он медленно направился в степь.

...В одном из ведер сверкало, покачиваясь, яркое бликующее пятнышко.

Молоденькую яблоньку у Лунного камня, густо усыпанную нежными розовыми цветами, было видно издалека.

Яков погладил ее по стволу:

— Ну, как тебе тут? Не очень одиноко? Извини, прихожу не часто... Весна, знаешь, год кормит...

Он вылил полведра воды под яблоньку.

Оставшейся — окатил камень.

Присел на скамейку, подставив лицо теплым лучам ласкового весеннего солнца...

— Здравствуй, мама...

Яблонька зашумела, и в шелесте ее листьев Якову пригрезилось: «Здравствуй, сынок...»

Ни разу в жизни... никому... никогда... не произносил Яков слова «мама»...

А так хотелось...

Из глубины ветвей, укрытая густой зеленью, засвистела, зачирикала какая-то птица...

Яков улыбнулся.

— ...Знаешь, мама, написал вчера уже пятнадцатое письмо... Давиду и Ривке... Они в

Париже живут... Трое детей у них... Внуков — целых одиннадцать... А Шифро с Соломоном, представляешь, в Австралии оказались... В городе Аделаида... Красивое название, правда? Я на карте посмотрел... там рядом остров... Кенгуру называется... Чудно... И им тоже напишу... Может, приедут? Как думаешь? ...А еще я сегодня звезду из колодца достал...

Израиль. Тель-Авив.

За столом в уютной комнате сидит семья — четверо взрослых и пятеро детей.

Юноша лет пятнадцати читает письмо.

Остальные внимательно слушают.

Текст письма: «...Весна в этом году ранняя. Сады уже зацвели. Яблоко, думаю, будет много. У вас в саду цветут и абрикосы, и сливы. Виноград я подрезал...»

Америка. Уютное кафе на Брайтон-Бич.

За столиком сидят несколько человек.

Перед одним — раскрытый ноутбук.

Звучит текст письма: «...Представьте себе, в вашей голубятне поселились голуби... Сначала их было двое... Потом я списался по

интернету с одним голубятником, и он мне продал еще семерых... Думаю, скоро у них будет потомство...»

Германия. Нюрнберг.

Офис компьютерной фирмы. За стеклянной перегородкой видны столы с работающими за ними программистами. В небольшой комнате сидит девушка и с экрана компьютера читает письмо.

Текст письма: «... Дом ваш еще крепкий. Я зимой его протапливал. Тепло держит хорошо. Правда, асфальт на дорожках в некоторых местах раскрошился... Но это ничего... Летом я его подлатаю...»

Швейцария. Женева.

Открытая тераса с видом на фонтан Женевского Lac Lemан — Большого Озера.

В мягких креслах за столиком пьют утренний кофе мужчина среднего возраста, женщина и старушка.

В руках у мужчины — лист бумаги.

Старушка:

— Нет, так вы мне-таки объясните! Шо это за Яша, он же — Сема, он же — кто там еще?!

— Мама! — Укоризненно посмотрела на нее женщина. — Ну, я тебе сколько раз го-

ворила! Это Яков! Сын Эстер и Бени! Он жил раньше в Америке... У него там сын программистом работает!

— Хорошо... А почему он — Сема? — Упорствовала старушка.

— Потому что Степан, его отец, назвал его Семеном!

— Шо значит, Степан — отец? А кто им обоим тогда Беня?

— Ай... — Махнула рукой женщина и обратилась к мужчине. — Давай, дальше...

Мужчина продолжил читать:

Текст письма: «...а еще я посадил у вас под забором саженцы малины... Сорт хороший... Не помню, как называется! Но на базаре сказали, что будет крупная и сладкая... И дом ваш стоит целый и невредимый... А что с ним сделается?!...»

Переливаясь на солнце, взмывала высоко в небо жирная струя Женевского фонтана...

Разноцветными огнями светилась Эйфелева башня...

Проносились машины по широким улицам Нью-Йорка...

Прогуливались люди по каменной брусчатке Красной площади.

И над всем этим плыл тихий спокойный мужской голос:

Хуно вокурденки, данусте бош: гьем ночогъ, гьем согъ бие зии ту, те еде ту мюрде, те — еде хуне вачарусте.¹

...А по широкой степи, усеянной ярко-алыми тюльпанами, шла к горизонту худенькая стройная девушка в светлом платье.

И догонял ее быстроногий вихрастый мальчишка.

И догнав — взял за руку.

И подняв голову, что-то спросил у нее.

И она, взглянув на него сверху вниз, ответила.

И, хоть были эти двое далеко от нас, но услышала, казалось, вся степь — и вопрос, и ответ...

— Куда мы идем, мама?

— Домой, сынок! Домой...

¹ Построив себе дом, знай: ты должен жить в нем больным или здоровым, пока или сам не умрешь, или дом не разрушится...

Литературно-художественное издание

Елена Николаевна Петровская

ДОМОЙ...

Ответственный редактор *Наталья Бахманн*

Литературный редактор *Ольга Демьянко*

Художественный редактор *Евгений Ржевский*

Технический редактор *Сергей Колесников*

Корректор *Ольга Соль*

Верстальщик *Сергей Сафонов*

Подписано в печать 20.09.2009

Печать офсетная. Гарнитура *Таhoma*.

Бумага офсетная

Тираж 1 000 экз. Печ.л. 6

заказ №

Отпечатано в типографии

“Новое время”, г. Орел

Елена Петровская родилась на Украине, в маленьком провинциальном городке со смешным названием Бахмач.

Окончила кинорежиссерский факультет Киевского театрального института.

Автор пьес, сценариев, стихов и песен.

Режиссер-постановщик художественных, документальных, музыкальных и научно-популярных фильмов.

В сценарии-притче «Домой...» автор поднимает фундаментальные вопросы о смысле жизни, о смерти, религии, Боге.